

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

891.78
G6n0
V92
1899a

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817

ARTE'S SCIENTIA VERITAS

Volkov, N LC

8986

**THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY
UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1962**

ov, N. Zavisimost' "Revizora" Gogolia ot
nedii Kvitki Priiezzhii iz stolit. St.
tersburg, 1899.

1120
300

А 213
2129

Н. В. Волковъ.

Volkov, Nikolai Vladimirovich.

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ КОМЕДИИ.

4662
731

098956 1105703

I.

ЗАВИСИМОСТЬ „РЕВИЗОРА“ ГОГОЛЯ

ОТЪ КОМЕДИИ КВИТКИ

„ПРѢЗЖИЙ ИЗЪ СТОЛИЦЫ“.

~~Мен~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.

1899.

891.78

G6r0

V92

1899a

Н. В. Волковъ.

21

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ КОМЕДИИ.

I.

ЗАВИСИМОСТЬ „РЕВИЗОРА“ ГОГОЛЯ

ОТЪ КОМЕДИИ КВИТКИ

„ПРІЪЗЖІЙ ИЗЪ СТОЛИЦЫ“.

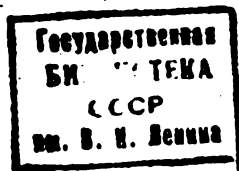
С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 5.

1899.

61-294771

Дозволено цензурою. Спб., 5 ноября 1898 г.

30124-50

Литературное произведѣніе представляетъ собою явленіе, создаваемое двумя главными производителями: во-1-хъ, самостоятельными творческими силами ума и художественной фантазіи, орудующими надъ матеріаломъ, добытымъ посредствомъ наблюденія и изученія, и, во-2-хъ, заимствованіемъ, въ той или другой мѣрѣ, уже созданныхъ идей или образовъ, какъ и пріемовъ ихъ выраженія. Какъ продуктъ творческихъ силъ человека, литературное произведѣніе можетъ быть справедливо сопоставляемо съ продуктами творчества природы, наравнѣ съ которыми оно подчиняется извѣстнымъ или неизвѣстнымъ намъ законамъ, и подобно тому, какъ природа, производя органическое или неорганическое тѣло, какъ бы задала пытливому уму человека загадку, разгадать которую онъ силится съ помощью могучаго анализа и не можетъ постигнуть безъ изслѣдованія элементовъ, его образующихъ, такъ и плодъ литературнаго творчества только тогда можетъ получить всестороннюю правильную оцѣнку и освѣщеніе, когда онъ будетъ изученъ со стороны своихъ творческихъ элементовъ и процесса созданія. Только при этомъ условіи могутъ вполне открыться истинный смыслъ и значеніе многихъ сторонъ произведенія, до тѣхъ поръ толкуемыхъ весьма произвольно и гадательно, подчасъ даже невѣрно, и только тогда наши выводы пріобрѣтутъ точность и устойчивость.

Указывая на это, я вовсе не хочу сказать, чтобы без такого генетического изучения невозможно было высокое наслаждение художественными произведениями. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не наслаждаемся мы красотой, въ чемъ бы она ни проявлялась, и безъ проникновения въ составъ являющаго ее вещества: глубина, красота и прелесть Моцарта ощущается и тѣми, кто не имѣеть понятія о музыкальной гармонизаціи звуковъ, какъ и цѣра брилліанта одинаково хороша для взора и тѣхъ, кто посвященъ въ его химическое строеніе, и тѣхъ, кто его не знаетъ. Но если бы мы не удовольствовались созерцаніемъ одного внѣшняго проявленія красоты, а во всеоружіи анализа отыскали бы скрытые законы организаціи и постигли всю доступную тайну произведенія, тогда бы мы не только получили въ награду вполне вѣрное пониманіе его, но и само художественное наслажденіе стало бы гораздо цѣльнѣе.

Трудная задача полного истолкованія художественныхъ произведеній значительно была бы облегчена, если бы для каждаго произведенія возможно было хоть до нѣкоторой степени опредѣлить матеріалы автора и ближайшіе источники, бывшіе у него подъ рукою, и установить путь, которымъ оно слагалось. Но на дѣлѣ это оказывается чрезвычайно труднымъ, даже просто невозможнымъ. Обыкновенно передъ критиками и изслѣдователями лежитъ одно само законченное созданіе въ той формѣ, въ которую оно облеклось, пройдя всѣ предварительныя, въ большинствѣ случаевъ, весьма многосложныя ступени, а вся черновая работа автора, всѣ первыя, еще неясныя очертанія образовъ, наброски, эскизы, первоначальная планировка и всѣ дальнѣйшія видоизмѣненія, какъ и самыя матеріалы и источники, остаются совершенно неизвѣстными, скрытыми отъ изслѣдователя. Отсюда обыкновенно рождаются всевозможныя предположенія, всякія построенія, противорѣчивые выводы, съ виду одинаково справедливые, вы-

сказываемые признанными и непризнанными литературными судьями согласно съ личными ихъ вкусамъ, убѣжденіями, теоріями и направленіями.

Едва ли я погрѣшу противъ правды, если скажу, что ни одинъ навѣтъ писатель не изучилъ въ процессѣ его работы, даже по отношенію къ самымъ извѣстнымъ произведеніямъ, конечно, отчасти потому, что только въ недавнее время стали цѣнить и издавать первоначальныя наброски и первыя редакціи важнѣйшихъ произведеній. Если и появлялись подобныя матеріалы въ прежнее время, то имъ не придавали много значенія, чѣмъ поправки или новыхъ вариантовъ для этихъ произведеній, какъ это было, напримѣръ, съ рукописными текстами „Горе отъ ума“ Грибоедова, „Евгенія Онегина“ Пушкина и „Демона“ Лермонтова. Одни письма авторовъ и воспоминанія объ ихъ близкихъ или знакомыхъ съ ними лицъ служили огромнымъ и неисчерпаемымъ колодезю, изъ котораго доставали въ громадномъ количествѣ и чистую и грязную воду, перѣдко одинаково ненужную и зачастую однакоже неподходящую къ истинѣ. Тѣмъ болѣе должны мы дорожить всѣмъ тѣмъ, что хоть немного помогаетъ уяснить то или другое выдающееся произведеніе, въ особенности изъ числа такихъ, которыя общепризнаны самыми замѣчательными, блестящими проявленіями русскаго творчества, къ каковымъ, между прочими, принадлежитъ и комедія Гоголя „Ревизоръ“.

Первый вопросъ, самый естественный, но въ то же время существенный и необходимый, безъ того или иного рѣшенія котораго невозможна вполнѣ правильная оцѣнка произведенія,—это вопросъ объ оригинальности произведенія: самостоятельно ли оно, или подражательно? а если оно дѣйствительно не совсемъ самостоятельно, то какимъ оригиналамъ оно подчинено и какова степень зависимости? Само собою разумѣется, наиболѣе полный и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ

бы дать самъ авторъ произведенія, которому ближе всего извѣстны тайны его созданія, но мы крайне рѣдко встрѣчаемъ ихъ собственныя указанія на занятвованія при произведеніяхъ, не представляющихъ собою перевода или явной переделки и подражанія, и даже не находимъ авторскихъ указаній общаго свойства для точнаго пониманія тѣхъ (или другихъ) сторонъ ихъ произведеній. Нельзя думать, чтобы сами производители такъ безотчетно слагали свои произведенія, что оказывались не въ состояніи уяснить себѣ весь ходъ ихъ созданія. Вѣрнѣе, это происходитъ оттого, что у многихъ изъ авторовъ вовсе не бываетъ охоты какъ бы вновь разбираться въ произведеніи и подвергать себя труду двойного процесса, всецѣло предоставляя это изслѣдователю и критику; а другіе не настолько самоотвержены, чтобы откровенно указывать источники или оригиналы своихъ твореній, которые зачастую бываютъ такъ скрыты отъ изслѣдователей и критиковъ, что послѣдніе нимало не сомнѣваются въ оригинальности этихъ много-самостоятельныхъ произведеній. Вотъ гдѣ является существенная необходимость въ литературной критикѣ.

Комедія Гоголя „Ревизоръ“, гордость нашей драматической литературы, въ теченіе 60 лѣтъ со времени своего появленія въ свѣтъ подвергалась такому всестороннему разсмотрѣнію, что, казалось бы, изученіе ея могло бы считаться законченнымъ, но въ дѣйствительности этого нѣтъ: изслѣдованіе и критика касались почти исключительно общаго значенія комедіи и ея художественности, оставляя безъ вниманія ея литературную сторону, какъ это было и съ комедіей „Горь отъ ума“. Вопросъ о литературной связи этихъ комедій съ предшествовавшими имъ произведеніями ни разу не ставился на научную почву, и нельзя указать ни одной статьи, которая давала бы болѣе или менѣе цѣльныя указанія на то, представляютъ ли собою эти комедіи

необычайные плоды ничѣмъ не обусловленнаго творчества, или онѣ являются созданіями безспорно талантливыми, но тѣсно, непосредственно связанными съ прошлымъ.

Называя комедію „Ревизоръ“ самостоятельнымъ произведеніемъ, давая ей эпитеты „оригинальная“, „оригинальнѣйшая русская комедія“, обыкновенно руководится не историко-литературными разысканіями, а скорѣе многократными разъясненіями ея автора и установившимся преданіемъ.

Посмотримъ, обладаютъ ли полною достовѣрностью въ нашемъ вопросѣ оба эти основанія.

Болѣе 10 лѣтъ Гоголь не переставалъ снабжать свою знаменитую комедію разнообразными замѣчаніями, разбросанными и въ его письмахъ, и въ предисловіяхъ къ комедіи, и въ наставленіяхъ актерамъ объ игрѣ ролей и постановкѣ пьесы, и въ добавочныхъ комедіяхъ, всецѣло посвященныхъ „Ревизору“, какъ „Театральный разъѣздъ“, „Развязка Ревизора“, „Дополненіе къ Развязкѣ Ревизора“, и, наконецъ, въ „Авторской исповѣди“. Ни одно произведеніе не дѣлалось у Гоголя предметомъ такихъ заботъ и тревогъ, какъ „Ревизоръ“, точно онъ самъ чувствовалъ, что, при всѣхъ его истолкованіяхъ, все еще остается кое-что недосказанное, нуждающееся въ поясненіи. Литературные враги его, въ родѣ Подевого, даже подсмѣивались: „развѣ Шекспиръ только могъ бы такъ писать о себѣ и о своихъ твореніяхъ и такъ говорить о характерѣ своего Гамлета, какъ Гоголь говорить о характерѣ Хлестакова“¹⁾.

Но, отражая на себѣ измѣчивыя настроенія Гоголя въ различные періоды его жизни, эти многочисленныя толкованія не устанавливаютъ точно опредѣленнаго взгляда на комедію. Судя по первоначальнымъ отзывамъ, онъ хотѣлъ указать на жизненность пьесы, изображаю-

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“, 1842 г., I, стр. 62.

щей самое действительность со всею правдою и злостью: „Теперь я вижу, что значить быть комическим писателем, пишет Гоголь Мих. Сем. Щепкину, въ апрѣлѣ 1836 г., вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“: малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстають, и не одинъ человекъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная”¹⁾.

Недѣли двѣ спустя, передъ отъѣздомъ за границу, Гоголь указывалъ Погодину, что „писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ быть подалше отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ“. „Что противъ меня, продолжаетъ Гоголь, уже рѣшительно возстали теперь все сословія, я не смущаюсь, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь; когда видишь, какъ ложно, въ какомъ не вѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говорить: Мы не плуты. Но Богъ съ ними!“²⁾.

Въ діалогѣ же „Развязка Ревизора“, писанномъ въ октябрѣ 1846 года, Гоголь, устами перваго комическаго актера, придастъ совершенно иное, иносказательное, значеніе „Ревизору“: по его мнѣнію, „передъ зрителемъ душевный городъ каждаго изъ насъ, въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей; Хлестаковъ—вѣтрная свѣтская совѣсть, продажная и обманчивая, а настоящій ревизоръ—это проснувшаяся совѣсть, ко-

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, изданіе П. А. Кулиша, т. V, стр. 254.

²⁾ Тамъ-же, стр. 256.

торая заставить насъ вдругъ и разомъ взглянуть во все глаза на самихъ себя и передъ которой ничто не укроется“¹⁾.

Трудно лучше выразить и недоумѣннѣе передъ такимъ мистическимъ толкованіемъ и сожалѣніе, чѣмъ это сдѣлать извѣстный московскій комикъ Щецкинъ, замѣчательно исполнявшій роль городничаго. Онъ писалъ къ Гоголю въ маѣ 1847 года: „Прочтя ваше окончаніе „Ревизора“ („Развязку Ревизора“), я бѣсновъ на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я изучалъ всехъ героев „Ревизора“, какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ много знакомаго, такъ роднаго, я такъ свыкъ съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіе десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всехъ вообще, это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы ихъ мнѣ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всеми слабостями, какъ и вообще всехъ людей. Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это не чиновники, а наши страсти, нѣтъ я не хочу этой передѣлки: это люди, настоящіе, живые люди, между которыми я выросъ и почти состарѣлся. Видите-ли, какое давнее знакомство? Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человекъ въ одно сборное мѣсто, въ одну групу; съ этимъ въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послеъ меня передѣлывайте хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ“²⁾.

По всей вѣроятности, этотъ горячій отвѣтъ Щецкина заставилъ Гоголя умѣрить свое странное толкованіе въ вышедшемъ во второй половинѣ 1847 года „Дополненіи

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, изд. Тихомирова, т. III, стр. 366—367.

²⁾ М. С. Щецкинъ, „Записки и письма“, 1864 г., стр. 190—191.

къ „Развязкѣ Ревизора“, гдѣ онъ снимаетъ съ своей комедіи аллегорію и отказывается признавать ее какой-то правоучительной проповѣдью. „Нѣтъ,—говорить М и х а л ь М и х а л ь ч ь, соответствующій первому комикъ въ самой „Развязкѣ“,—дѣло автора было изобразить просто ужасъ отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ,—собрать въ кучу все, что есть похуже на нашей землѣ, чтобы его поскорѣй увидали и не считали бы этого за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое такъ же необходимо среди добра, какъ тѣни въ картинѣ. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, чтобы почувствовали все, что съ нимъ надобно сражаться, чтобы кинуло въ трепеть зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ пронялъ бы его насквозь всего. Вотъ, что онъ долженъ былъ сдѣлать. А это ужъ наше дѣло выводить нравоученіе“ 1).

Возвращаясь еще разъ къ „Ревизору“ въ „Авторской исповѣди“, относящейся къ концу 1847 года, Гоголь подтверждаетъ эту цѣль своей комедіи — „собрать къ кучу все дурное въ Россіи, какое только ему было извѣстно, все несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться сильно надъ всемъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго“ 2). Если сюда присоединить признаніе Гоголя, что онъ „никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства: что у него только то и выходило хорошо, что взято было имъ изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, ему извѣстныхъ: что угадывать человѣка онъ могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности: что, наконецъ, онъ никогда не писалъ пор-

1) Соч. Н. В. Гоголя, изд. Тихонравова, т. III, стр. 371—372.

2) Тоже, т. V, 274.

трета, въ смыслѣ простой копіи, но создавалъ портретъ, и лишь силою соображенія, а не воображенія" 1), то придется считать, что „Ревизоръ“ есть произведеніе, и самостоятельно задуманное Гоголемъ, и исключительно основанное на непосредственномъ знакомствѣ съ изображенною въ этой комедіи провинціальною жизнью и выполненное по собственному его плану. Но при такихъ условіяхъ творчества могло получиться только созданіе, вполне соответствующее идѣ автора, въ такой полнотѣ и съ такою вѣрностью воспроизводящее его образы, что не допустимы два рѣзко различающихся пониманія. Нельзя думать, чтобы такой поэтъ-художникъ, какъ Гоголь, оказался въ противорѣчій съ собою, чтобы рука его изобразила бы не то, что намѣтило его гениальное соображеніе. А между тѣмъ это и случилось съ комедіею Гоголя: вмѣсто воплощенія тѣхъ высокихъ, исполненныхъ истины и ужасающаго величія мыслей, которыя, какъ писалъ онъ Погодину, волновали его и, точно небесныя гости, наводили на него божественныя минуты въ тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку 2), явилась на сценѣ комедія, которую приняли за легкій фарсъ и разыграли, какъ обыкновенный водевиль.

Векорѣ поелъ перваго представленія „Ревизора“ въ Петербургѣ Гоголь записалъ себѣ: „Ревизоръ сыгранъ— и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое... Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся,—и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слы-

1) Сочиненія, т. V, стр. 282.

2) Кулишъ, соч. и письма 1' В. Гоголя, т. V, 127.

паль упрёки и ропотъ противъ моей же пьесы, которыя заглушали всё другіе. А публика вообще была довольна" ¹⁾.

Разочарованіе въ своей комедіи, произведенной совѣтъ не то впечатлѣніе, какое предполагалось. Гоголь объясняетъ плохую игрою актеровъ, не понявшихъ своихъ ролей, несмотря на его разъясненія при сценетовкѣ пьесы: Хлестаковъ остался совершенно непонятымъ, Бобчинскій и Добчинскій оказались дурны, послѣдняя сцена совѣтъ не вышла ²⁾.

Конечно, недостаточность пониманія произведенія естественна и возможна по причинамъ, независимымъ отъ произведенія, но иногда причина ея лежитъ въ немъ самомъ. Нельзя забывать, что тотъ первый сценическій текстъ комедіи „Ревизоръ“, который выполнялся въ Петербургѣ и Москвѣ, представлялъ весьма крупныя отличія отъ текста послѣдней редакціи: въ теченіе шести лѣтъ Гоголь многое измѣнилъ и передѣлалъ, сообразуясь съ требованіями художественной правды, и только тогда получилось, какъ онъ выразился, „созданіе плотное, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неуѣренности“ ³⁾. Наше знаніе комедіи основано не на одной пьесѣ, а и на тѣхъ многочисленныхъ и подробныхъ разъясненіяхъ, которыя давалъ Гоголь съ самаго момента ея появленія. Вотъ въ чемъ тайна, что „Ревизоръ“ на иностранной сценѣ не производитъ глубокаго впечатлѣнія: заграничные актеры

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, подъ ред. Тихонова, т. III, 285, 287.

²⁾ Тамъ же, стр. 285, 288, 289.

³⁾ Значительная разница между сценическимъ и печатнымъ текстомъ „Ревизора“ не разъ возбуждала нареканія на актеровъ — исполнителей ролей этой комедіи, будто-бы своевольно измѣнявшихъ текстъ комедіи. См. Очеркъ исторіи текста комедіи Гоголя „Ревизоръ“, Н. Тихонова, въ приложеніи къ его изданію первоначальнаго сценическаго текста „Ревизора“, М. 1986 г., стр. XL и слѣд.

не въ состояннн создать по одному ся тексту тѣ образы, которыхъ требуетъ авторъ. Можно съ увѣренностью сказать, что Гоголь самъ сознавалъ всю трудность правильнаго пониманія своей комедии.—не даромъ онъ писалъ къ Щенкину передъ представленіемъ „Ревизора“ въ Москвѣ: „Жаль, очень жаль, что я никакъ не могу быть у васъ въ Москвѣ,—многія изъ ролей могли бы быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ“ 9). Усиленныя предостереженія Гоголя не принимать его комедіи за обыкновенный фарсъ доказываютъ, что онъ допускалъ возможность такого взгляда на нее, и поясняютъ, почему онъ не былъ доволенъ ею. Лучше, чѣмъ кто другой, замѣчалъ Гоголь противорѣчіе между тѣмъ, что онъ желалъ создать, и тѣми формами, въ которыя облечлись существа его фантазій, и мучился имъ, какъ мучается художникъ, ясно сознающій, что его идея не нашла себѣ поднаго воплощенія въ образахъ его творенія.

Изъ причинъ этого явленія, нередко наблюдаемаго въ сферѣ творчества, можно указать двѣ главныхъ: или талантъ художника оказался слабымъ для выполненія намѣченной задачи, или художникъ, вмѣсто созданія новой формы, всегда вытекающей изъ сущности образа, воспользовался старой, чужой формой и вздумалъ вложить въ нее новое содержаніе, упуская изъ виду, что она никогда не въ силахъ передать его во всей полнотѣ и истинѣ, подобно тому какъ какое-нибудь зданіе, уже выполняющее известную цѣль, несмотря на тщательнѣйшія приспособленія къ новой цѣли, не можетъ вполне замѣнить зданія, которое было бы специально для нея выстроено. Такъ какъ нельзя осмѣлиться допустить слабость таланта Гоголя, то остается имѣть въ виду вторую причину: не было-ли въ рукахъ у Гоголя готовыхъ формъ, которыя онъ пересоздалъ по-своему? Но

9) Кулишъ, соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 257.

тогда как согласить это съ установившимся литературнымъ преданіемъ, что Гоголь обработать сюжетъ, данный ему Пушкинымъ?

Нѣтъ особыхъ причинъ не довѣрять рассказамъ гг. Соллогуба и Бартенева, что Пушкинъ, вернувшись изъ своей поѣздки по Волгѣ, въ декабрь 1833 г. передалъ Гоголю, какъ нижегородскій губернаторъ, принять было его за тайнаго ревизора, и припомнилъ аналогичный случай съ Свиньинымъ въ Бессарабіи и съ однимъ прѣзжимъ въ Устюжнѣ, выдававшимъ себя за ревизора. Но, по моему мнѣнію, Тихомировъ и Шенрокъ слишкомъ рѣшительно считаютъ, что этотъ разговоръ съ Пушкинымъ былъ для Гоголя единственнымъ побужденіемъ написать комедію „Ревизоръ“¹⁾. Правда, Гоголь въ „Авторской несовѣди“ самъ указываетъ на полученіе сюжета отъ Пушкина, однако это замѣчено такъ бѣгло²⁾, что можно принять за простую дань уваженія къ памяти тогда уже покойнаго поэта, если отбросить подозрѣніе въ желаніи Гоголя имѣть крестнымъ отцомъ своей комедіи всеобщаго кумира, тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности отыскать въ комедіи „Ревизоръ“ слѣдовъ рассказа Пушкина, съ извѣстными подробностями котораго ничто не совпадаетъ въ комедіи Гоголя. Покойный акад. Тихомировъ, а за нимъ и г. Шенрокъ ссылаются на сходство маршрутовъ Хлестакова и Пушкина: Хлестаковъ, замѣчаютъ они, ѣхалъ черезъ Пензу, гдѣ обыгралъ его нехотный капитанъ, въ Саратовскую губернію, т. е. тѣмъ-же путемъ, какимъ проѣзжалъ Пушкинъ въ ту поѣздку, и видятъ въ этомъ подтвержденіе вліянія Пушкина. Но и этотъ доводъ долженъ считаться неосновательнымъ, такъ какъ,

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, подъ ред. Н. Тихомирова и В. Шенрока, VI, стр. 588—590.

²⁾ „Мысль „Ревизора“ принадлежитъ также Пушкину“ (передъ этимъ шла рѣчь о сюжетѣ „Мертвыхъ душъ“). Сочиненія Гоголя, т. V, 274.

по обнаруженному недавно первоначальному тексту этой комедии, Хлестаковъ ѣхалъ не въ Саратовскую губ., а Екатеринославскую для свиданія съ родителями, и кутнулъ не въ Пензѣ, а въ Тулѣ, гдѣ пѣхотный капитанъ поддѣль его въ штосѣ; въ дѣйств. II. явл. 8, Хлестаковъ говоритъ: „я чиновникъ — я губернской секретарь. Я ѣду въ мою собственную деревню, въ Екатеринославскую губернію, чтобы повидаться съ отцомъ”¹⁾. „Екатеринославская” губернія осталась и во второй редакціи, и только впоследствии была измѣнена на „Саратовскую”, какъ и вмѣсто „въ Тулѣ” позже явилось „въ Пензѣ”. Такимъ образомъ путь Хлестакова вовсе не походилъ на путь Пушкина.

Самъ Гоголь, повидимому, избѣгалъ называть свою комедію оригинальною: ни въ первомъ изданіи ея 1836 года, ни въ послѣдующихъ этого названія нѣтъ, но, можетъ быть, и по простой случайности; оно встрѣчается лишь на афишѣ Московскаго Большого театра при первомъ представленіи ея 25 мая 1836 года: „Ревизоръ”, оригинальная комедія, въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ”. Но возможно, что слово „оригинальная” пошло въ афишу безъ вѣдома автора.

Что-же даетъ намъ право заподозрѣвать оригинальность знаменитой комедіи Гоголя? Существованіе комедіи, которая можетъ считаться прямою виновницею появленія на свѣтъ „Ревизора”: это комедія Григорія Квитки-Основьяненка „Пріѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ”. Она напечатана была впервые въ 1840 году²⁾, съ помѣтою на первой стра-

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе 10, т. VI, 86.

²⁾ „Пантеонъ русскаго театра и всѣхъ европейскихъ театровъ”, 1840 г., книжка № 3. Вторично издана во II-мъ томѣ „Драматическихъ сочиненій Григорія Квитки (Основьяненка)”, Сиб. 1862 г., гдѣ она также названа „оригинальною”. Въ новѣйшемъ изданіи собранія сочиненій Квитки, начатомъ подъ ред. проф. Потебни, эта комедія помѣщена въ VI томѣ (Харьковъ, 1894 г.).

ницѣ: „оригинальная комедія, въ пяти дѣйствіяхъ, писана въ 1827 году“. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ этомъ годѣ ея сочиненія: на конецъ 20-хъ годовъ указываютъ, во 1-хъ, обстоятельства литературной дѣятельности Квитки, который съ начала 30-хъ годовъ сталъ писать комедіи уже на малорусскомъ языкѣ, съ сюжетами изъ престопаго быта; во 2-хъ, типичная для первой четверти XIX в. литературная сторона пьесы: весьма сложный ходъ дѣйствія, односторонніе, неясно очерченные характеры дѣйствующихъ лицъ, старинныя особенности слога и языка,—все это въ такомъ родѣ, что нельзя и помышлять объ обратномъ вліяніи комедіи Гоголя на комедію Квитки; въ 3-хъ, въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ попадаются отголоски событіи 1827 года: судья спрашиваетъ: „что-то наши греки?“ Смотритель училищъ Ученосвѣтовъ, передѣлавшій по-новому трагедію Озерова „Дмитрій Донской“, оправдываетъ перемежу „бояръ, воеводъ“ на „князей, вельможъ и господъ“ тѣмъ, что онъ „приноравливался къ теперешнему времени: „у меня война не съ татарами, конхъ уже нѣтъ, а съ турками“. „Смѣкаете!“ продолжаетъ онъ: „Ниче турецкая война: тутъ видна мысль и историческая правда“ 1). А 1827 годъ и былъ началомъ нашей войны съ турками за освобожденіе Греціи.

Помимо этихъ соображеній, существуютъ и неоспоримыя фактическія данныя, подтверждающія 1827 годъ: въ редакціи „Наптеона“ хранился заглавный листокъ рукописи комедіи Квитки съ печатью московскаго цензурнаго комитета и подписью цензора: „Печатать дозволяется. Москва, 1828 года, октябрі 18-го дня. Въ должности предѣдателя московскаго цензурнаго комитета, Сергій Аксаковъ, № 602“ 2). С. Т. Аксаковъ въ письмѣ къ Данилевскому, въ 1854 году, писалъ:

1) Комедія „Пріѣзжіи изъ столицы“, дѣйствіе I, явл. 4 и 5.

2) Основьяненко, біограф. очеркъ Григорія Данилевскаго. Спб. 1856 г., стр. 55.

„очень охотно отвѣчаю на вашъ вопросъ, относительно комедіи г-на Квитки „Пріѣзжіи изъ столицы“. Она точно была одобрена мною къ напечатанію, 26 лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ другими его комедіями“¹⁾. Ясно, что 1827 годъ, какъ действительное время написанія комедіи Квитки, не можетъ возбуждать сомнѣнія.

Несмотря на разрѣшеніе, напечатана она тогда не была. Въ 1836 г. Квитка ходатайствовалъ о постановкѣ ея на московской сценѣ, но получилъ отъ Загоскина, директора театровъ, отказъ, о чемъ сохранилось письмо Загоскина²⁾. Напечатаніе комедіи „Пріѣзжіи изъ столицы“, въ 1840 году въ „Пантеонѣ“, какъ оказывается изъ писемъ Квитки къ Плетневу, произошло безъ разрѣшенія ея автора: 18 мая онъ писалъ: „вы, я думаю, видѣли въ „Пантеонѣ“ мою комедію? Она точно написана давно, была у меня брошена, пошла, вовсе безъ цѣли, въ Петербургъ и, не спрося моего желанія, помѣщена въ „Пантеонѣ“³⁾).

Въ томъ же письмѣ къ Данилевскому, изъ котораго выше было приведено подтвержденіе 1827 года, Аксаковъ припоминаетъ, что онъ спрашивалъ Гоголя около 1840 года, знаетъ ли онъ эту комедію Квитки; Гоголь отвѣчалъ, что слышалъ о ней, но не читалъ. Аксаковъ старается увѣрить Данилевскаго, что „Ревизоръ“ не могъ быть написанъ подъ влияніемъ пьесы Квитки, потому что „Ревизоръ“ былъ напечатанъ прежде, чѣмъ Гоголь узналъ о существовавшей комедіи Квитки“. Доводъ этотъ совершенно неосновательный. Откуда могъ точно знать Аксаковъ, когда именно познакомился Гоголь съ комедіей Квитки? Вѣдь эта комедія, и не будучи напечатана, могла повліять на Гоголя, — на этомъ нѣтъ надобности останавливаться. Григорій Данилевскій, вышеупомянутый біографъ Квитки, утвер-

¹⁾ Г. Данилевскій, Основьященко, стр. 59.

²⁾ Тамъ-же, стр. 113.

³⁾ Тамъ-же, стр. 108 и 109.

ждать, что рукопись комедии „Пріѣзжіи изъ столицы“ въ 1828-же году была послана на сцену въ Петербургъ, ходила тамъ по рукамъ и возвратилась въ тридцатыхъ годахъ въ Харьковъ ¹⁾. Въ „Литературной Газетѣ“ 1843 г. ²⁾ есть указаніе, что комедія „Пріѣзжіи“ до 1840 г. ходила по Малороссіи въ рукописи, хотя вовсе не была представлена на сценѣ. Такимъ образомъ Гоголь могъ читать эту комедію или въ Петербургѣ въ 1829 году или началъ 30-хъ годовъ, или, что мнѣ кажется вѣроятнѣе, приобрѣлъ ее въ Малороссіи въ свою поѣздку въ 1832 году. Не слѣдуетъ упускать изъ виду одного замѣчанія С. Т. Аксакова въ его воспоминаніяхъ о первомъ знакомствѣ съ Гоголемъ во время остановки его въ Москвѣ въ 1832 г.: „я замѣтилъ, пишетъ Аксаковъ, что русская комедія сильно занимала его, и что у него есть свой оригинальный на нее взглядъ“ ³⁾. Весьма возможно, что эта оригинальность была въ нѣкоторой зависимости отъ знакомства съ произведеніями Квитки. Наконецъ, связи Гоголя съ Малороссіей никогда не прерывались: кромѣ родныхъ, передаточною цѣпью для него служили его сотоварищи по Нѣжинскому лицее, отъ которыхъ онъ могъ знать весьма многое изъ того, что дѣлалось въ ней и что являлось новаго, между прочимъ, и о комедіи Квитки.

А читаль-ли Гоголь, или не читаль эту комедію, можно твердо рѣшить посредствомъ сопоставленія ея съ его „Ревизоромъ“.

Обратимся прежде всего къ содержанию комедіи Квитки:

¹⁾ Г. Давилевскій, Основьяненко, стр. 55.

²⁾ № 35.

³⁾ „Русь“, 1880 г., № 4.

ДѢЙСТВІЕ I.

Въ одномъ уѣздномъ городѣ, въ день прихода почты, въ домѣ городничаго Ѳомы Ѳомича Трусикина собирается городское общество для того, чтобы разузнать свѣжія новости изъ газетъ и модныхъ журналовъ. Велѣдь за первыми гостями—женою стряпчаго и ея дочерью—кокеткою, соперничающею въ нарядахъ съ хозяйкою дома (сестрою городничаго), Домной Ѳоминичной, и съ племянницею ея Линой Петровцою, поспѣшно входитъ смотритель училищъ, Ученосвѣтовъ, громко крича о неожиданной новости въ городѣ: заѣзжая труппа актеровъ, которую онъ встрѣтилъ по дорогѣ въ училище, у харчевни съ вѣдьскою „Лондонъ“, дастъ по его просьбѣ театральное представленіе. Модница Домна Ѳоминична, жена стряпчаго и дочь ея Ейжеви въ восхищеніи. Неугомонный Ученосвѣтовъ вербуетъ въ число зрителей и судью Спалкина и убѣждаетъ городничаго, встревожившагося было при извѣстіи о какомъ-то готовящемся сюрпризѣ, дать согласіе на представленіе трагедіи „Дмитрій Донской“, которую онъ самъ исправитъ и украситъ пѣніемъ и русской и цыганской пляскою. Въ этотъ моментъ приходитъ съ пакетами съ ветерпѣніемъ ожидавшійся почтовый экспедиторъ Печаталкинъ. Едва успѣли присутствующіе начать чтеніе выбранныхъ по вкусу журналовъ и газетъ, какъ городничій въ волненіи обращается ко всемъ, заявляя о важной новости, вычитанной изъ письма къ нему одного изъ служащихъ въ губернаторской канцеляріи: тотъ извѣщаетъ о пріѣздѣ въ этотъ городъ какой-то важной и знатной особы, которая ѣдетъ якобы въ Крымъ, и совѣтуетъ принять мѣры предосторожности. Всѣ встревожены, въ особенности городничій, который говоритъ о себѣ: „я весь въ жару и морозъ по кожѣ подираетъ. Ума не приберу, что дѣлать“. (Дѣйствіе I, явленіе 3). Съ общаго согласія чиновники рѣшаютъ облечься въ мундиры, а дамы—приварядиться, чтобы честию встрѣтить ожидаемую особу. Тутъ же городничій выбираетъ квартиру для этой особы: „квартира должна быть у меня“, заявляетъ онъ и приказываетъ приставу поприбрать городъ. „Эка суматоха!“ восклицаетъ уходя судья Спалкинъ, любитель выпить и закусить: „ниже водки не подали. Теперь когда сядемъ за столъ? Прощай день! Да еще и мундириться надобно. — О! служба, служба!“

ДѢЙСТВІЕ II.

Занятый приготовлениями къ встрѣчѣ ревизора и приведеніемъ въ порядокъ города, городничій совершенно не обращаетъ вниманія на пріѣхавшаго опекуна его племянницы Отчетива, сообщающаго объ ожидаемомъ пріѣздѣ жениха для племянницы Анны Петровны. Этотъ честный и благородный опекунъ, напоминающій собою Стародума въ „Недоросль“, собирается сдать Аннѣ Петровнѣ ея имѣніе по случаю исполнившагося ей совершеннолѣтія и хлопочеть о выдачѣ ея замужъ за хорошаго человѣка—Милова. Одна за другою являются разряженныя модницы Матрена Степановна съ дочерью и Домна Ѳоминична и приходятъ чиновники въ мундирахъ: смотритель училищъ, судья и почтовый экзекуторъ; послѣдній и извѣщаетъ, что маховой съ колокольни закричалъ, что ревизоръ уже ѣдетъ. Едва успѣвъ растерявшейся городничій разставить всѣхъ по мѣстамъ, для представленія ревизору, какъ входитъ Миловъ, пріѣхавшій просить руки племянницы городничаго. Его принимаютъ было за ревизора, но вотъ приставъ Шаринъ съ шумомъ открываетъ дверь важно входящему Пустолобову, выдающему себя за ревизора. Представивъ чиновниковъ и дамъ, на перерывъ старавшихся, кромѣ Анны Петровны, племянницы городничаго, первыми попасть на глаза Пустолобову, городничій, величая мнимаго ревизора превосходительствомъ, почтительно просить его раздѣлить хлѣбъ-соль.

ДѢЙСТВІЕ III.

Послѣ обѣда у городничаго Пустолобовъ важнымъ тономъ начальника приказываетъ ему ввести къ нему на особую аудіенцію каждаго изъ чиновниковъ, начиная съ Ученосвѣтова, котораго онъ хочетъ задобрить въ свою пользу изъ боязни, чтобъ тотъ не открылъ его, будучи знакомъ съ нимъ по университету, изъ котораго былъ выгнанъ „цовѣса Пустолобовъ за дурное поведеніе“. Принявъ видъ вельможи, онъ воспрещаетъ ему обнаруживать прежнее знакомство и общается выхлопотать награду, а затѣмъ искусно спрашивается, у кого больше приданаго, у Ейжени или племянницы городничаго. Услыхавъ, что за послѣдней даютъ имѣніе, онъ разузнаетъ еще, что судьба ея болѣе зависитъ отъ тетушки, чѣмъ отъ самого городничаго. Оставшійся очень не-

довольнымъ отлучкой въ деревню казначея, у котораго онъ намѣревался „пошевелить казенную кладовую“, Пустолобовъ принимается за почтоваго экспедитора. Покровительственнымъ тономъ и обѣщаніями онъ склоняетъ его прислать отъ себя почтальона какъ будто за важными бумагами, а потомъ прислать ихъ опять къ нему-же подъ видомъ приказанія на его имя изъ столицы. Окончивъ пріемъ, онъ удаляется въ кабинетъ, какъ будто для писанія важныхъ бумагъ. Въ это время майоръ Миловъ рекомендуетъ городничему и знакомится съ Отчетнымъ. Сейчасъ-же расположась въ его пользу, Отчетинъ представляетъ его Аннѣ Петровнѣ, съ которой Миловъ видѣлся какъ-то на институтскомъ балу. Между тѣмъ Домна Ѳоминичъ, благоговѣющей предъ великими вельможами, какимъ кажется ей мнимый ревизоръ, городничій передаетъ его желаніе переговорить о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Пустолобовъ, ссылаясь на то, что при дворѣ не достаетъ одной дамы для пополненія придворнаго штата, проситъ у нея согласія на бракъ съ избранной имъ особой, имѣя въ виду Анну Петровну. Домна Ѳоминична наивно думаетъ, что рѣчь идетъ объ ней самой и „ради состоянія дѣлъ Европы и изъ почтенія дипломатическому корпусу“ даетъ свое согласіе и тутъ-же протягиваетъ руку. Когда разъясняется недоразумѣніе, Домна Ѳоминична конфузится, но остается себѣ на умѣ. Тѣмъ временемъ къ Пустолобову подходитъ городничій, докладывая о приходѣ почтмейстера съ важными бумагами. Пустолобовъ разъясняетъ ему, будто это бумаги изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и возлагаютъ на него тонкую хитрость, но, для выполненія ея, необходимо 10,000 руб., выдать которыя предписывается казначею. Городничій обѣщаетъ достать ихъ, а пока даетъ Пустолобову займы 500 руб. Раздобывъ эти деньги для женитьбы, Пустолобовъ мечтаетъ, какъ онъ, женивъ на робкой институткѣ съ богатымъ приданымъ, заживетъ въ деревнѣ баринномъ, хотя и отрѣшится отъ должности за эту продѣлку. Домна Ѳоминична-же даетъ слово, „что вечеромъ-же онъ успокоитъ Европу бракосочетаніемъ съ милою особой“, разумѣя подъ нею не племянницу свою, а себя самое. Между тѣмъ городничій, отдавъ приставу приказъ ревизора не впускать и не выпускать никого изъ города, отправляется отыскивать деньги.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Полный недоумѣнія отъ странности въ настроеніи вѣхъ лицъ въ домѣ городничаго и отъ суеты въ городѣ, опекунъ

Отчетинъ, желаетъ поскорѣй покончить дѣло съ сватовствомъ Милова и заставляеть его высказаться передъ Анной Петровной, а затѣмъ просить Домну Ѳоминичну переговорить съ нимъ въ виду того, что находится человекъ, который ищетъ руки Анны Петровны. Но та, думая, что рѣчь идетъ о ревизорѣ, умоляетъ Отчетина изъ боязни, что откроется тайна ея намѣреній, до времени не заикаться объ этомъ. Едва уснѣла она проводить гостей въ диванную, какъ является Пустолобовъ за отвѣтомъ на свою просьбу. Домна Ѳоминична объявляетъ ему о мнимомъ согласіи племянницы и уговариваетъ его устроить отъѣздъ въ тотъ-же вечеръ и какъ можно секретнѣе и, главное, молчаливѣе. Объ ея планѣ, повидимому, догадывается Анна Петровна, но, не желая выдавать тетюшку, она вѣсными отвѣтами приводитъ въ смущеніе Отчетина и въ особенноти Милова. Но вотъ заступившій мѣсто отсутствующаго хозяина Отчетинъ приглашаетъ къ чаю жену стряпчаго, ея дочь, прилагающую всѣ усилія поправиться маіору, и другихъ гостей. Въ пріемной становится темно. Входитъ приставъ Шаринъ, чтобы доложить Пустолобову, что коляска готова, но тутъ-же натывается на него самого въ тотъ моментъ, когда Пустолобовъ кого-то тихошко окликать. Въ потемкахъ приставъ замѣчаетъ, что ревизоръ поспѣшно убѣгаетъ, обнявъ какую-то даму.

ДѢЙСТВІЕ V.

Приходитъ Ученосвѣтовъ и жалуется Отчетину, что въ театрѣ все готово, а никого изъ почетныхъ лицъ нѣтъ. Къ Отчетину-же обращается и Миловъ, прося освободить его отъ преслѣдованій Елжени, переходящихъ въ открытое объясненіе въ любви; одинъ Спалкинъ остается по-прежнему въ невозмутимо-дремотномъ настроеніи. Но вотъ возвращается давно ожидаемый городничій. Едва уснѣлъ онъ пробѣжать таинственную записочку Анны Петровны, какъ приставъ докладываетъ объ отъѣздѣ ревизора къ вѣщу съ (мнимой) Анной Петровной. Всѣ поражены; Миловъ почти лишается чувствъ. Мать Елжени досадуетъ, что дочь ея прозвала ревизора. Между тѣмъ Шаринъ передаетъ городничему важную бумагу, присланную отъ губернатора съ жандармомъ въ его отсутствіе. Городничій читаетъ и вскрикиваетъ отъ удивленія: въ бумагѣ предписывается схватить Пустолобова, всего-то титулярнаго совѣтника, какъ обманщика, выдающаго себя за важнаго государственнаго человека, и отослать

въ Петербургъ. Новое изумленіе охватываетъ всѣхъ: одна Ейжени съ матерью торжествующе подсмѣиваются надъ Анной Петровной. Шаринъ бѣжитъ, чтобы задержать бѣленцовъ. Въ ожиданіи городничій высказываетъ чрезвычайную досаду, что далъ себя „обольстить этой бестіей“, горюетъ за племянницу и, наконецъ, признается, что ссудить этому обманщику 500 рублей. Ученосвѣтовъ и Печаталкинъ тоже признаются, какъ были задобрены обѣщаніями Пустолобова. Тѣмъ временемъ Ейжени тщетно старается увлечь опечаленнаго Милова. Но вотъ показывается Шаринъ, таща при помощи полицейскихъ Пустолобова и укутанную шалью даму въ обморокъ: онъ успѣлъ поймать ихъ въ то время, когда они тщетно уговаривали квартальнаго Грошехватова пропустить черезъ заставу. Пустолобовъ сначала продолжаетъ разыгрывать принятуя на себя роль, но, узнавъ о приказѣ губернатора, сознается въ самозванствѣ и открываетъ участіе сестры городничаго въ побѣгѣ мнимой Анны Петровны. Въ это время приходитъ Отчетинъ, ведя за собою Анну Петровну. Никто не вѣритъ своимъ глазамъ: кто же тогда дама въ покрываль? Шаринъ срываетъ шляпку, и раздастся новый крикъ удивленія—передъ ними Дюма Фоминича. Самъ Пустолобовъ радъ, что ему помѣшали обвѣдчаться съ нею. Оправившись отъ негодованія, городничій отдастъ приказаніе отвезти Пустолобова къ губернатору.

Комедія оканчивается согласіемъ городничаго на бракъ племянницы съ благороднымъ Миловымъ, къ несказанному огорченію Ейжени, не находящей себѣ сочувствія даже въ Ученосвѣтовѣ и Печаталкинѣ.

Изъ приведеннаго содержанія комедіи „Квитки“ возможно уже до нѣкоторой степени убѣдиться и въ сходствѣ цѣлей обѣихъ комедій изобразить чиновничій міръ глухого уѣзднаго городка въ лицѣ представителей власти, трепещущихъ при имени ревизора, и представительницъ прекраснаго пола, занятыхъ нарядами и сентиментальными мечтами любви, и въ одинаковости сюжетовъ и въ чрезвычайно сходномъ общемъ ходѣ дѣйствія, и въ близости дѣйствующихъ лицъ и наконецъ въ подобіи многихъ положеній. При ближайшемъ сопоставленіи сходныя черты выставятся еще ярче, по-

тому что ихъ не будутъ затемнять сложность интриги въ комедіи Квитки и некоторыя несходства подробностей въ ходѣ дѣйствій комедіи. У Квитки сливаются какъ-бы двѣ комедіи: одна построена на страхѣ городничаго и другихъ чиновниковъ передъ ревизоромъ, другая—любовная, съ замужествомъ племянницы городничаго Анны Петровны, при участіи двухъ группъ лицъ.—комическихъ и добронравныхъ, по старой теоріи французскихъ комедій. Если мы разберемъ въ сложной интригѣ комедіи Квитки, откинувъ добавочныхъ лицъ, въ родѣ жены стряпчяго и ея кокетки-дочери, стремящейся уловить въ свои сѣти то Милова, то ревизора, то получимъ слѣдующій ходъ дѣйствія: По письму къ городничему одного служащаго въ губернаторской канцеляріи, въ одномъ уѣздномъ городишкѣ ожидается ревизоръ. За него принимаютъ какого-то прѣхавшаго изъ Петербурга мелкаго чиновника Пустолобова. Городничій подобострастно встрѣчаетъ самозваннаго ревизора, представляетъ чиновничье общество, даетъ у себя помѣщеніе, угощаетъ обѣдомъ. Пустолобовъ, пользуясь смущеніемъ легковѣрныхъ чиновниковъ, принижаетъ ихъ тономъ начальника, задобриваетъ обѣщаніями и беретъ займы 500 р. у городничаго (онъ взялъ бы и болѣе, да, къ несчастью, казначея не случилось въ городѣ), для того, чтобъ обвѣнчаться съ племянницей городничаго, за которой, разузнавъ онъ, имѣется приданое имѣніе. Этотъ планъ удастся, но только въ половину: въ потемкахъ онъ уѣзжаетъ, но не съ племянницей городничаго, а съ ея сестрой, уже пожилой женщиной, возмечтавшей стать придворной дамой. Бумага отъ губернатора открываетъ самозванство Пустолобова, но только случайность (самимъ же Пустолобовымъ былъ данъ приказъ не пропускать никого за заставу) помѣшала ему улизнуть изъ города: его поймали и отправили къ губернатору подъ судъ.

Близость этого хода дѣйствія съ гоголевскимъ не мо-

жетъ подлежать сомнѣнью и позволяеть предположить, что между обѣими комедіями должна быть весьма тѣсная связь.

Теперь всмотримся въ частности обѣихъ комедій.

При сопоставленіи ихъ слѣдуетъ брать не ту законченную редакцію комедіи „Ревизоръ“, которую она получила въ концѣ 30-хъ годовъ, а тѣ наброски и черновые листы ея, которые дошли до насъ между рукописными матеріалами Гоголя, потому что точки соприкосновенія „Ревизора“ Гоголя съ комедіей Квитки въ окончательной обработкѣ комедіи „Ревизоръ“ успѣли нѣсколько ступенчатся при неоднократныхъ измѣненіяхъ, добавленіяхъ и сокращеніяхъ Гоголя, довольно замѣтно мѣнявшагося въ своемъ настроеніи и направленіи.

Этотъ первоначальный набросокъ „Ревизора“ ¹⁾ по всей вѣроятности, принадлежитъ еще къ той порѣ его творческой дѣятельности, когда онъ, не заботясь о томъ, зачѣмъ онъ творить, для чего и кому выйдетъ отъ этого польза, а изъ одного желанія развлекать себя самого придумывалъ себѣ все смѣшное: смѣшныхъ лицъ и характеры, и ставилъ ихъ въ самыя смѣшныя положенія и тѣшился невинными и беззаботными сценами ²⁾.

Если сравнить общій тонъ первой редакціи съ позднѣйшимъ, то нетрудно замѣтить отсутствіе въ ней внутренней силы комизма, при большемъ перевѣсѣ внѣшнихъ комическихъ положеній. Все безъ исключенія лица первой редакціи очерчены проще, рѣзче, грубо и карикатурно, ихъ душевное настроеніе едва намѣчается, они выставлены еще глуше, еще пошле и порочнѣе. Передъ зрителями происходитъ скорѣе забавный водевиль, а не фдкая комедія. Здѣсь городничій и

¹⁾ Напечатанъ г. Шенрокомъ въ VI томѣ 10-го изданія „Сочиненій Н. В. Гоголя“, 1896 г., стр. 65—156. Примѣчанія къ тексту на стр. 619—631.

²⁾ Изъ „Авторской исповѣди“, соч. Гог., т. V, 273.

другіе чиновники, правда, приходятъ въ замѣнательство и выказываютъ его, но нѣтъ и помину о той обязанности, суетливости и драматизмѣ, что изображается въ послѣдующихъ редакціяхъ. Странно читать, какъ здѣсь городничій передъ подчиненными громогласно сознается, что и онъ бралъ взятки, и просить у нихъ совѣта обойти ревизора. Другимъ примѣромъ можетъ служить послѣдняя сцена негодованія городничаго, обманутаго Хлестаковымъ: въ первой редакціи негодованіе выражено весьма слабо и вяло, а во второй — тонъ и краски выраженія досады замѣтно усиливаются и принимаютъ бурный характеръ:

1 РЕДАКЦІЯ.

(Первонач. набросокъ).

Городничій (на общее негодованіе): „Ну, объ этомъ печого говорить! Ужь хуже всего: я ему далъ четыреста и еще самъ, дуракъ, навязался, и на дорогу угораздилъ чортъ предложить опять 400 и коверъ дать. Чортъ его знаетъ. Вѣдь вотъ дуракъ, такъ дуракъ! Старый дуракъ! Безъ малаго 40 лѣтъ на службѣ: никакой кунецъ, ни подрядчикъ не обманулъ, а теперь дрянъ... Ступай, нищи его, чортъ побори! Я думаю, только колокольчикъ заливается“...

2 РЕДАКЦІЯ.

Городничій (бьетъ себя по лбу): „Какъ я?... Нѣтъ, какъ я старый дуракъ!.. Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. 30 лѣтъ на службѣ: ни одинъ кунецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ! Что губернаторовъ! Попа на неповѣди надулъ: рассказалъ совѣтямъ другое! А теперь... вертопрахъ какой-нибудь, мальчишка, на губахъ молоко еще не обсохло... Ступай, нищи его, чортъ побори! Я думаю, такъ удирать чо

«столбовой дороге, что колокольчикъ заливаеся»¹⁾.

Точно такъ-же и нападки на Бобчинскаго и Добчинскаго за ихъ должное уведомленіе о ревизорѣ получили при дальнѣйшихъ измѣненіяхъ болѣе рѣзкій оборотъ.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы первоначальный набросокъ „Ревизора“ былъ ближайшимъ носителемъ слѣдовъ комедіи Квитки. Какъ мнѣ представляется, Гоголь и послѣ него, при дальнѣйшихъ измѣненіяхъ комедіи, все еще помнилъ о комедіи Квитки и не переставалъ къ ней обращаться. Такъ, напримѣръ, и въ первоначальномъ наброскѣ и во 2-й редакціи, въ IV дѣйствіи, ни слова не сказано о пробужденіи Хлестакова, а оно прямо начинается монологомъ Хлестакова о пріятностяхъ пребыванія въ здѣшнемъ городкѣ (явленіе I),— затѣмъ идетъ представленіе ему чиновниковъ, каждаго въ отдѣльности. Но въ послѣдней редакціи ходъ дѣйствія естественнѣе и живѣе: всѣ чиновники, одѣтые въ парадную форму, входятъ другъ за другомъ на цыпочкахъ, боясь разбудить Хлестакова; Аммосъ Федоровичъ строитъ всѣхъ полукружіемъ: „Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ; и во дворецъ ѣздитъ, и государственный совѣтъ распекаетъ! стройтесь на военную ногу, непременно на военную цогу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ“; потомъ, рѣшивъ сообща дать взятку ревизору, начинаютъ спорить, кому идти первому, какъ вдругъ слышатъ откашливаніе Хлестакова, — всѣ бросаются въ дверь. Затѣмъ уже слѣдуетъ монологъ Хлестакова, съ заспанными глазами, и наконецъ, начинается представленіе чиновниковъ. Вотъ это явленіе — сцена располо-

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе 10-е, подъ редакціей Н. Тихоцрава и В. Шенрока, т. VI, стр. 142 и 247.

женія для совмѣтнаго представленія — въ послѣдней редакціи „Ревизора“, какъ мнѣ кажется, есть подражаніе весьма сходной сцены у Квитки въ дѣйствии III. явленіи 8: Городничій въ полномъ мундирѣ, со шляпою и съ рапортомъ, по просьбѣ Матрены Степановны сдѣлать „комнатное приличіе и научить, гдѣ кому стоять“, бѣгаетъ и разставляетъ всѣхъ чиновниковъ и дамъ: „Да, это необходимо!.. Вотъ онъ такъ входитъ въ дверь; кланяется, тутъ я ему рапортъ въ руки и явлюсь, какъ должно—за мною чиновники по порядку“... Послѣ ложной тревоги (10 явл.), онъ опять приводитъ всѣхъ въ порядокъ, неустанно суется: „Вотъ тамъ... сюда... стойте-же чинно!.. У!.. Все готово... охъ!“

Перейдемъ къ заглавіямъ этихъ комедій. Для комедіи Квитки служитъ двойное заглавіе „Прѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ“, для комедіи Гоголя—„Ревизоръ“, но и названія комедіи Квитки вполне подходятъ къ ней: вѣдь, Хлестаковъ въ комедіи Гоголя дѣйствительно „прѣзжій изъ столицы“, не столько выдающій себя за ревизора, сколько принимаемый за него властями уѣзднаго города, и невольно произведенный суматохоу, — такимъ образомъ заглавіе комедіи Квитки какъ нельзя болѣе передаетъ сущность комедіи Гоголя, первоначальной задачей котораго было выставить въ самомъ смѣшномъ видѣ переполохъ, произведенный въ уѣздномъ городишкѣ ничтожною личностью изъ столицы, принимаемую за ревизора. Заглавіе-же „Ревизоръ“, конечно, легко могло само придти Гоголю на мысль, но возможно, что онъ замѣнилъ имъ растянутое заглавіе Квитки на основаніи словъ самой же комедіи Квитки, многократно повторяющей имя „ревизоръ“: „Кто бы это такой?“ задастъ вопросъ городничій Трусилкинъ, по прочтеніи письма: „Важная и знатная особа... вѣрно, ревизоръ“ (въ д. I. явл. 8); въ д. II. явл. 1—городничій не одинъ разъ упоминаетъ о ревизорѣ, заботясь о его прѣздѣ: „Какъ ниль подняли! а

она къ прїѣзду ревизора не уляжется?“ замѣчаетъ онъ пристава: „прикажи поливать пожарными трубами“; на указаніе пристава, что трубы испорчены, а у головы нѣтъ денегъ на ихъ починку, городничій грозитъ: „мошенники! Да я за нихъ примусь,—дай сprovодить ревизора“; въ томъ-же разговорѣ онъ еще нѣсколько разъ называетъ имя ревизора: „во время пребыванія ревизора“, „глядѣть на ревизора“, „благополучно пропустить ревизора“; во 2-мъ явленіи того-же II-го дѣйствія опять нѣсколько попадаются слово—ревизоръ: „къ намъ ѣдетъ важная особа и чуть-ли не ревизоръ“, „до прїѣзда ревизора“, „и женихъ и ревизоръ“, — такъ-же часто приводится это имя и въ остальныхъ частяхъ пьесы „Прїѣзжіи изъ столицы“, и я полагаю, что только отсутствіе глубины въ замыслѣ номѣшало Квиткѣ дать то заглавіе своей комедіи, которымъ окрестилъ Гоголь свою.

Составъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ комедій также представляетъ большое сходство: изъ 14 лицъ комедіи Квитки болѣе 9 нашли себѣ мѣсто въ комедіи Гоголя, а именно: у Квитки городничій — и у Гоголя городничій; у Квитки сестра городничаго 40 л., затѣмъ дочь стряпчаго съ матерью — у Гоголя жена городничаго, женщина не совѣтъ пожилыхъ лѣтъ, о себѣ говорящая, что ей только еще 32 года, но „женщины любятъ уменьшать года“, замѣчаетъ тутъ-же Гоголь, и дочь ея; у Квитки уѣздный судья, почтовый экзекуторъ, смотритель училищъ и чиновникъ изъ Петербурга; далѣе у Квитки—частный приставъ и полицейскіе солдаты — тоже и у Гоголя; служанка сестры городничаго въ комедіи Квитки—замѣнилась у Гоголя слугою городничаго. Не вошли въ комедію Гоголя изъ комедіи Квитки только слѣдующія лица: племянница городничаго, опекунъ ея и избранникъ ея сердца — майоръ, т. е. тѣ, которыхъ ни за что не включилъ бы Гоголь въ свою комедію, какъ лицъ не-комическихъ. Взамѣнъ ихъ Го-

голь ввести двухъ городскихъ помещиковъ: Бобчинскаго и Добчинскаго, чрезвычайно оживляющихъ его комедію и превосходно способствующихъ естественному ходу дѣйствія, и попечителя богоугодныхъ заведеній, уѣзднаго дѣкаря, жену смотрителя училищъ, купцовъ и другихъ мелкихъ лицъ, для полноты картины правоты уѣзднаго города.

Такое совпаденіе въ составѣ главныхъ и второстепенныхъ лицъ комедій Квитки и Гоголя, наиболее заинтересованныхъ въ ходѣ дѣйствія, при большомъ сходствѣ сюжетовъ, а съ другой стороны — несходство въ лицахъ добавочныхъ, не влияющихъ на ходъ дѣйствія, исключая двойниковъ — Бобчинскаго и Добчинскаго и Осипа, слуги Хлестакова, которому по первоначальному тексту не предоставлялось активное участіе, — весьма затруднительно приписать простому случаю. Отсутствие случайности въ этой близости находитъ себѣ подтвержденіе еще въ одномъ странномъ совпаденіи: въ первоначальномъ текстѣ того письма, которое писалъ Хлестаковъ своему пріятелю Тряпичкину, упоминаются изъ чиновниковъ только четыре лица: городничій, почтмейстеръ, потомъ — безъ указанія служебнаго положенія (поставлены точки) Ляпкинъ и наконецъ училищный директоръ Земляника, а въ той сценѣ, гдѣ это письмо читается чиновниками, оно характеризуетъ пятерыхъ лицъ: городничаго, судью, почтмейстера, смотрителя училищъ и „какого-то казначея“ Ляпкина ¹⁾. Такимъ образомъ, во-1-хъ, въ письмѣ названы только тѣ чиновники, которые выведены и Квиткою, и ни разу не указаны ни попечитель богоугодныхъ заведеній, ни Бобчинскій съ Добчинскимъ, которыхъ у Квитки вовсе нѣтъ, а во-2-хъ, приведенъ какой-то „казначей“ Ляпкинъ, о которомъ ни слова не говорится въ самой ко-

¹⁾ „Ревизоръ“, въ первоначальномъ наброскѣ, VI т. „Сочиненій“ Гог., изд. 10, стр. 140.

медіи Гоголя. Откуда онъ попалъ въ письмо, легко объяснить, если вспомнить, что въ комедіи Квитки незримое участіе принимаетъ казначей, на котораго, за отлучку изъ города, сильно разсердился нуждавшійся въ деньгахъ Нустолобовъ.

Не лишнее для насъ обратить вниманіе и на исторію именъ лицъ гоголевской комедіи: одни изъ нихъ не устанавливались очень долго, другія-же сразу получили наименованія, удержавшіяся за ними, несмотря на многократныя переделки комедіи. Странно, что въ числѣ вторыхъ оказывается почти исключительно имена тѣхъ лицъ, которыхъ нѣтъ въ комедіи Квитки. Это—лъкаръ Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, помѣщики—Петръ Ивановичъ Добчинскій и Петръ Ивановичъ Бобчинскій, оставшіе чиновники Растаковскій, Люлюковъ и Погоняевъ, слуга Хлестакова—Осипъ, квартальные Свистуновъ, Пуговицынъ, а къ устанавливавшимся именамъ принадлежатъ главнымъ образомъ тѣ носители которыхъ выводятся и въ комедіи Квитки: у Квитки городничій Оома Оомичъ Трусликинъ — у Гоголя то Иванъ Тимофеевичъ, то Степанъ Васильевичъ, то Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Прочуханскій и только при переделкѣ второй редакціи—Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій; судья у перваго — Тихонъ Михайловичъ Спалкинъ, у втораго—Макаръ Николаевичъ или Аммосъ Федоровичъ Привекаевъ, а фамилія Лякинъ-Тякинъ давалась то почетному богоугодныхъ заведеній, то какому-то казначею; почтмейстеръ въ комедіи Квитки—Лука Семеновичъ Печатакинъ, а въ „Ревизорѣ“ — Иванъ Кузмичъ Пескинъ, Пескинъ, наконецъ уже Шенкинъ; смотритель училищъ у Квитки — Афиногенъ Валентиновичъ Ученосѣтовъ, у Гоголя—Григорій Петровичъ, Филиппъ Артемьевичъ и только во второй редакціи Лука Лукичъ Хлоновъ; пріѣзжій изъ столицы, мнимый ревизоръ — у Квитки — Владиславъ Трофимовичъ Нустолобовъ, у Гоголя—онъ первоначально носилъ имя

Александра Васильевича, затѣмъ Ивана Григорьевича и Александра Ивановича, а фамиліей ему служили то Хласковъ, то Скакуновъ, то Хлестаковъ, въ одномъ случаѣ даже Перепелкинъ, и только во второй редакціи онъ окончательно сталъ Иваномъ Александровичемъ Хлестаковымъ.

Нечего и говорить, что Гоголь не заимствовалъ своихъ именъ у Квитки, но онъ, повидимому, слѣдовалъ тому-же самому принципу наименованія, правда, тогда распространенному, и какъ будто старался лучше выразить посредствомъ новаго имени то, что уже носило свое имя.

Но, можетъ быть, между характерами носителей этихъ именъ въ обихъ комедіяхъ не существуетъ никакого сходства? Нѣтъ, есть, даже не слишкомъ отдаленное, и чѣмъ первоначальное текеть комедіи Гоголя, тѣмъ его больше. Это явнѣе всего замѣтно на характерахъ Хлестакова—Пустолобова и городничаго Сквозникъ-Дмухановскаго—Трусилкина.

У Квитки Пустолобовъ, этотъ титулярный совѣтникъ, откомандированный въ нѣкоторыя губерніи по какой-то незначительной надобности, а между тѣмъ выдающій себя за важнаго государственнаго чиновника—ревизора по секретной части, является недалекимъ, невѣжественнымъ, плутоватымъ человекомъ, сознательно идущимъ до вѣрчивыхъ чиновниковъ: городъ Трусилкина не первый, гдѣ онъ съ помощью обмана пытается поживиться деньгами и подыскать себѣ богатую невѣсту; лжетъ онъ не съ уносіемъ, а съ определеннымъ расчетомъ, какъ, на примѣръ, въ сценахъ съ Ученосвѣтовымъ, городничимъ и Домной Доминичной: перваго напускною важностью и дерзкимъ высокомеріемъ заставляетъ молчать объ ихъ прежнемъ знакомствѣ, у второго тономъ покровителя и вельможи выманиваетъ деньги, передъ третьей разыгрываетъ роль придворнаго сановника, чтобы вынудить у ней согласіе на бракъ съ

ей богатою племянницею: у Пустолобова есть искусный планъ, который онъ сѣбитъ выполнить и безнаказано выполнить бы, если бы не его опрострачивое распоряженіе не впускать и не выпускать никого изъ города безъ вѣдома городничаго. У Гоголя же, въ сценической редакціи, а въ особенности въ окончательной 1842 г., Хлестаковъ представленъ глуповатымъ, безхитростнымъ, даже пустѣйшимъ человекомъ, дѣйствующимъ безъ всякаго соображенія, а лишь подъ вліяніемъ благоприятно складывающихся обстоятельствъ: только кой-какая свѣтскость и живость выделяютъ его изъ полного ничтожества; мысли у него похожи на какіе-то блуждающіе огни, перебѣгающіе съ одной лжи на другую, какъ-то безсознательно, неожиданно для самого ихъ творца; въ эти минуты онъ самъ себя вѣритъ, воображая, что передаетъ дѣйствительное, а не фантазію, и не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей, кромѣ удовольвенія мелкаго тщеславія; хотя онъ и беретъ взятки и нечестово ухаживаетъ, но какъ-то машинально, только потому, что „дураки“ сами на это напрашиваются.

Въ этомъ изображеніи дѣйствительно немного сходнаго съ Пустолобовымъ Квиткой; но если обратиться къ первоначальному наброску „Ревизора“ и ближайшей къ нему редакціи, то легко замѣтить, что раньше онъ далеко не былъ такимъ: тотъ Хлестаковъ и грубѣе, и рѣзче, и болѣе невѣжественъ и менѣе приличенъ; онъ дѣйствуетъ сознательно и съ большою дерзостью и оказывается смѣтливѣе. Въ первомъ наброскѣ, Хлестаковъ въ сценѣ въ трактирѣ беретъ бутылку, чтобъ оборониться отъ городничаго; во время послѣобѣденной бесѣды онъ въ увлеченіи кладетъ на стулъ одну за другою обѣ ноги, несмотря на присутствіе дамъ; забываетъ, что такое комедія, лжетъ еще безпардоннѣе, обращается еще безцеремоннѣе, взятку у перваго изъ чиновниковъ беретъ съ большою наглостью; вдругъ прерываетъ разговоръ съ почтмейстеромъ словами: „я

хотѣлъ вась попросить: не случилось-ли у вась съ собою какъ-нибудь денегъ? мнѣ понадоилось на дорогу"... Эти рѣзкія черты и подали покойному академику Тихонравову поводъ сказать въ объяснительной запискѣ къ „Ревизору“, что въ первоначальныхъ редакціяхъ „Ревизора“ Хлестаковъ похожъ на героевъ французскихъ водевилей и не доросъ до совершеннаго *comme il faut*.¹⁾ Несмотря на то, что при дальнейшей отдѣлкѣ грубые штрихи ушли у Гоголя сгладиться, однако они не исчезли вполне и въ первой сценической редакціи этой комедіи, и были, можно думать, одною изъ причинъ, что въ игрѣ извѣстнаго тогдашняго актера Дюра — Хлестаковъ, по замѣчанію самого же Гоголя, на первомъ представленіи „сдѣлался обыкновеннымъ вралемъ, чѣмъ-то въ родѣ Альваскарова²⁾, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣтся съ парижскихъ театровъ“³⁾.

Городничій Трусилкинъ, который въ пьесѣ Квитки не имѣетъ того значенія, что у Гоголя, представленъ въ не вполне ясно очерченномъ образѣ: онъ не такой большой и ловкій плутъ, какъ Сквозникъ-Дмухановскій, не настолько низокъ и подлъ и не такой деспотъ, но все-таки главныя, общія черты его достаточно прозрачно намѣчены Квиткою: Трусилкинъ хочетъ казаться дѣльцомъ, онъ не свободенъ отъ взяточничества, ловко умѣетъ устраивать свои дѣлншки; суровый начальникъ, довольно рѣзкій съ подчиненными, но робокъ и трусливъ передъ ревизоромъ, подобострастенъ и хитеръ и умѣетъ принять мѣры, когда наступаетъ моментъ расчета, и пускаетъ въ дѣло взятку, какъ и Сквозникъ-

¹⁾ Царь-Колоколь. 1892 г., III, стр. 237.

²⁾ Альваскаровъ, отставной мичманъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Хмѣльницкаго „Воздушные замки“ (передѣлка комедіи Колленъ-д-Арлевиля „Les chateaux en Espagne“).

³⁾ Сочиненія Гоголя, изд. II, т. III, стр. 285.

Дмухановскій: „яко человекъ, я хотѣлъ снискать себѣ въ Нустолобовѣ милостивца и покровителя“, сознается Трусикинъ. („Пріказъ“, д. V, явл. 8).

Передъ гоголевскимъ городничимъ даже въ первоначальномъ наброскѣ „Ревизора“ городничій „Квитка“ представляетъ собою лишь тѣнь, одинъ набросокъ, который у Гоголя облекается въ необыкновенно полное, рельефное и законченное, живое лицо. Гоголь дѣйствительно сумѣлъ выразить, какъ забота о томъ, чтобы не пропускать, что само плыветъ въ руки, составляла все призваніе его городничаго, была единственнымъ предметомъ его помысловъ и хлопотъ, охватила всю его жизнь и поглотила въ немъ человѣческія черты и сдѣлала грубымъ извергомъ, въ которомъ извратилось понятіе правды: у Гоголя ярко выставлены всѣ гнусныя движенія души городничаго и его ничтожныя мечтанія; но нельзя отрицать, что Квитка первый далъ намекъ на тѣнь такого дѣльца.

Судья Квитка, какъ и судья Гоголя, тяготеетъ службою, съ тою разницею, что второй весь предается охотѣ, первый-же думаетъ только о томъ, какъ бы побѣть да попить, а главное — поспать; есть у нихъ еще одна общая слабость: оба они не прочь потолковать о политикѣ.

Смотритель училища въ комедіи Квитки представленъ воображающимъ себя ученымъ, знатокомъ сценическаго искусства, исправляющимъ трагедію Озерова „Дмитрій Донской“; онъ очень хлопотливъ, любопытенъ, наивенъ и подобострастенъ. Эти послѣднія черты Гоголь не оставилъ въ своемъ смотрителѣ, а перенесъ на добавочныя лица Бобчинскаго и Добчинскаго.

Блѣдное очертаніе почтмейстера у Квитки отъбняется только тѣмъ, что онъ не дастъ ему величать Нустолобова превосходительствомъ, изъ-за смутнаго предчувствія его самозванства, заставляетъ отказываться отъ награды и побуждаетъ принять даже самостоятель-

ныя мѣры для разъясненія творящагося въ городѣ: почтмейстеръ посылаетъ рапортъ своему начальству о городскомъ происшествіи. Гоголь устранилъ изъ характера своего почтмейстера эти черты, выставивъ рельефно лишь одно наивное простодушіе.

Изъ женскихъ главныхъ ролей, которымъ у Квитки отведено болѣе выдающееся мѣсто въ общемъ ходѣ дѣйствія, не всѣ перенесены Гоголемъ въ „Ревизоръ“: черты, приданныя Квиткою сестрѣ городничаго Доминѣ Ооминичѣ, женѣ страичаго Матрени Степановиѣ и ея дочери Эйжени, Гоголь распредѣлить между двумя лицами: женою городничаго Анной Андреевной и дочерью ихъ Марьей Антоновной, а племянница городничаго Анна Петровна въ комедіи Квитки, какъ и всѣ другія не комическія лица, вовсе исключена изъ пьесы. Подмѣтить сходство между лицами Гоголя и Квитки весьма не трудно: отъ Домны Ооминичны жена гоголевскаго городничаго унаслѣдовала и свой 40-лѣтній возрастъ, и модничанье, и чувствительность, и наивность, и мечтаніе о романѣ, и желаніе блистать въ обществѣ, а отъ Матрены Степановны высокомеріе и кичливость; для Марьи же Антоновны послужила образцомъ Эйжени своєю кокетливостью, жеманствомъ, вздохами, самоиѣніемъ и рѣзкимъ обращеніемъ съ матерью, которой и Эйжени говоритъ: „съ вами-то всегда прозѣваете: одѣвайтесь, да рядитесь, а Любимова (Анна Петровна) успеѣла! Вотъ досада!“ Впрочемъ, нельзя не указать и на значительную разницу въ очертаніяхъ этихъ типовъ у обоихъ авторовъ. Квитка въ своей комедіи выставила представительницъ новаго направленія: жена страичаго хочетъ казаться *grande-dame* (рекомендуясь Милову, она говоритъ: „я здѣшняя дама“, д. III, яв. 8), ея обращеніе чопорное, даже надменное, а тонъ рѣчи высокопарный; дочь ея Эйжени, воспитанница модныхъ „пансіоновъ мадамъ Вашеръ, Гросванъ и Тортошъ“, отравлена ихъ безиравственностью, превратилась въ бездушную кокетку,

мечтающую лишь о модахъ, танцахъ и кавалерахъ и усердно ловящую жениховъ; она презираетъ все русское и рѣчь свою сплетаетъ изъ французскихъ словъ; у Гоголя же городничиха съ дочерью вышли гораздо грубѣе, невежественнѣе и глупѣе, но зато безхитростнѣе и проще. Но не слѣдуетъ думать, что это отличие произошло вѣдѣствіе сомнѣнія Гоголя въ жизненности лицъ Квитки; и тѣ и другія почти въ равной степени страдаютъ каррикатурностью, утрировкой, а несходство должно объяснить лишь условіями обстановки дѣйствія: у Квитки вить городъ, близкій къ губернскому, а Гоголя городъ въ такой глуши, что „хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь“. Странно было-бы, если-бы Гоголь вывелъ въ его обществѣ такую личность, какъ Ейжени — продуктъ столичнаго моднаго воспитанія. — этимъ онъ явно нарушилъ-бы реальную правду своей комедіи.

Несмотря на краткость этихъ указаній, сходство въ характерахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ комедій едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Анализъ сценъ еще болѣе подтверждаетъ зависимость комедіи Гоголя отъ комедіи Квитки и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность уяснить процессъ созданія „Ревизора“ изъ „Прѣзжаго“: мы ясно замѣчаемъ опущеніе некоторыхъ явленій комедіи Квитки, измѣненіе или развитіе другихъ и введеніе новыхъ.

Первыхъ семи явленій перваго дѣйствія комедіи Квитки, понадобившихся ему, чтобы собрать вмѣстѣ чиновниковъ и дамъ ихъ круга и выяснитъ ихъ общественное положеніе, у Гоголя нѣтъ; онъ откинулъ ихъ, какъ замедляющія дѣйствіе вѣдѣствію споровъ о модахъ и правилахъ воспитанія въ модныхъ пансіонахъ и Екатерининскомъ институтѣ и разговоромъ о предстоящемъ спектаклѣ, а прямо началъ съ сообщенія городничимъ приглашеннымъ чиновникамъ вѣсти о ревизорѣ, съ чтенія письма пріятеля и съ предложенія позаботиться о

приведеніи въ порядокъ дѣлъ, это и есть 8 явленіе, I дѣйствія, комедіи „Пріѣзжіи“, въ которомъ такъ-же читается письмо о ревизорѣ и такъ-же совѣтуются о принятіи мѣръ для пріема важной особы. Сообщение о пріѣздѣ ревизора почтмейстеру во 2 явленіи, I дѣйствія, комедіи „Ревизоръ“, сопровождается просьбою просматривать письма, дѣлается Гоголемъ отдѣльно потому, что ему придется развязывать письмо вскрытіемъ письма Хлестакова. Затѣмъ Гоголь весьма искусно заставляетъ городничаго и чиновниковъ въ описанномъ Бобчинскимъ и Добчинскимъ молодомъ человѣкѣ предположить ревизора-инкогнито. — у Квитки этой сцены и быть не могло, потому что у него пріѣздъ ревизора лишь ожидается съ минуты на минуту и не носитъ таинственнаго характера; добавлены Гоголемъ и уходъ городничаго къ пріѣзжему и любопытство жены его и дочери; но приказанія городничаго Гоголя приставу о приведеніи города въ порядокъ помещены и у Квитки въ 1 явленіи II дѣйствія.

Явленія 2 и 3, II дѣйствія „Пріѣзжаго“ Квитки, какъ и всѣ другія явленія, гдѣ участвуютъ опекуны племянницы городничаго, сама племянница и Миловъ, исключены Гоголемъ, какъ лишніи цѣльности пьесы, а слѣдующія за ними сцены приготовленія къ встрѣчѣ ревизора распределены по дѣйствіямъ третьему и четвертому его комедіи; заботы жены стряпчаго и дочери ея о нарядѣ для встрѣчи ревизора (явл. 4) напоминаютъ собою пререканія о цвѣтѣ платья, возникшія между женою городничаго и ея дочерью въ 3 явл. III дѣйствія, а слѣды сцены сборовъ должностныхъ лицъ и разстановки ихъ по мѣстамъ можно видѣть въ добавленной во второй редакціи сценѣ передъ представленіемъ чиновниковъ Хлестакову. Общую встрѣчу ревизора въ комедіи Квитки (явл. 11, дѣйств. II) Гоголь опустилъ, замѣтивъ неумѣстность ея при секретномъ пріѣздѣ ревизора.

Для II дѣйствія комедіи „Ревизоръ“ Квитка ничего не далъ Гоголю: только предложеніе осмотрѣть городскія учрежденія, которымъ заканчивается это дѣйствіе, легко могло возникнуть изъ словъ судьи Спалкина и отвѣта Пустолобова:

Пустолобовъ: я надѣюсь, что въ судѣ у васъ большой порядокъ. —

— Спалкинъ: Надѣюсь при обзорѣии вашемъ заслужить одобреніе.

Пустолобовъ: Да, да; я буду у васъ („пріѣзжій“, явл. 9, дѣйствіе II).

Въ III дѣйствіи комедіи Квитки нельзя указать такого явленія, которое бы цѣлкомъ вошло въ извѣстную сцену важничанія и непомернаго хвастовства Хлестакова въ III дѣйствіи „Ревизора“, но трудно отказаться отъ сопоставленія съ нею нѣсколькихъ подобныхъ, но мелкихъ сценъ высокомернаго обращенія и похвалы Пустолобова, раскинутыхъ въ явленіяхъ 1, 2, 3, 4, 9, 10 и 11, этого-же дѣйствія: менѣе ясно замѣтнованіе у Квитки споровъ жены городничаго о томъ, кто больше ему понравился, и заботливости о покоѣ Хлестакова, впрочемъ, у Квитки Пустолобовъ отказывается отъ отдыха: предупредительность же по отношенію къ слугѣ Хлестакова также создана Гоголемъ: у Квитки слуги вовсе нѣтъ.

Начало IV дѣйствія „Ревизора“, гдѣ Хлестаковъ размышляетъ объ оказанномъ ему пріемѣ и разсуждаетъ съ собою о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, напоминаетъ монологи Пустолобова въ концѣ I явленія, III дѣйствія, комедіи Квитки, у котораго ходъ пьесы развивается значительно медленнѣе, и въ концѣ 10 явленія, того-же дѣйствія, въ которыхъ Пустолобовъ такъ-же строитъ планы и выражаетъ надежду на успѣхъ своей уловки. Далѣе у Гоголя идетъ однообразный рядъ явленій, съ 2 по 9: представленія чиновниковъ и городскихъ обывателей и 2 жалобы на городничаго: купцовъ и унтеръ-офицеръ-

ской жены, передъ которыми помещено отправленіе письма къ Притинкину; но и у Квитки мы находимъ въ III дѣйствіи пріемъ смотрителя училищъ и почтмейстера, у которыхъ онъ спрашиваетъ денегъ (явл. 2 и 3), и вторичный пріемъ почтмейстера (явл. 10), и требованіе денегъ отъ городничаго (явл. 11) и, наконецъ, полученіе 500 р. отъ Домны Оомнишны. Просьба Хлестакова руки дочери городничаго (явл. 13, дѣйст. IV, „Рев.“) и согласіе послѣдняго (явл. 14) могутъ быть противопоставлены просьбы Пустолобова у Домны Оомнишны руки ея племянницы и согласіе ея устроить все дѣло („Пріѣзжіи“, явл. 11, дѣйст. III, и явл. 5, дѣйст. IV). Окончаніе четвертыхъ дѣйствій обѣихъ комедій вполне совпадаютъ; и Пустолобовъ и Хлестаковъ быстро уѣзжаютъ; но съ разницею въ обстановкѣ отъѣздовъ: Пустолобовъ ѣдетъ тайкомъ вмѣстѣ съ мнимой Анной Петровной, а Хлестаковъ — одинъ, нанутствуемый всѣмъ семействомъ городничаго ¹⁾.

Начинающія V дѣйствіе „Ревизора“ изъясненія радости городничимъ и его женою по случаю помолвки ихъ дочери и мечтанія о жизни въ Петербургѣ не имѣютъ себѣ вполне подобнаго явленія у Квитки; хотя подобное же настроеніе испытываетъ Домна Оомнишна и высказываетъ его въ дѣйствіи IV, явл. 12: „теперь все ниже меня“, говоритъ она приставу, и въ явленіи 5, гдѣ она восклицаетъ: „о какъ восхитится братъ мой, когда узнаетъ, что устроено счастье любимой имъ особы и самъ возведенъ на высшую степень чести!“ У Квитки совершенно отсутствуютъ слѣдующія далѣе, послѣ расправы городничаго съ кунцами, 10 явленій съ поздравленіями чиновниковъ и горожанъ, понадобившихся Гоголю для того, чтобы собрать ихъ всѣхъ у городничаго къ предстоящему чтенію письма Хлестакова и по-

¹⁾ Явл. 1, 2, 3, 6 и 7 IV дѣйствія комедіи „Пріѣзжіи“ не вошли въ комедію Гоголя, какъ не связанныя съ ея сюжетомъ.

явленію жандарма; но разспросы чиновниковъ о ввезанномъ отъѣздѣ Хлестакова и пересуды чиновницъ имѣютъ сходство съ недоумѣніемъ городничаго и другихъ лицъ при извѣстіи объ отъѣздѣ Пустолобова съ какою-то дамою. Что-же касается 13 явленія, V дѣйствія „Ревизора“, гдѣ принесенное почтмейстеромъ письмо Хлестакова разоблачаетъ его продѣлку и вызываетъ общее негодованіе и приказаніе городничаго догнать Хлестакова, то есть возможность утверждать, что оно навѣяно явленіемъ 8, дѣйствія V, комедіи „Пріѣзжій“, потому что и здѣсь полученная отъ губернатора бумага съ повелѣніемъ схватить Пустолобова приводитъ всѣхъ въ изумленіе и досаду и побуждаетъ городничаго нарядить погоню за бѣглецомъ и его дамою. У Квитки Пустолобова успѣваютъ поймать, раскрываютъ его продѣлку и отнимаютъ Домну Омниичну, и пьеса оканчивается уводомъ его въ полицію и согласіемъ городничаго на бракъ Анны Петровны съ Миловымъ; у Гоголя и не пытаются ловить Хлестакова, и комедія завершается появленіемъ жандарма, производящаго извѣстную пѣмую сцену сообщеніемъ о прибытіи настоящаго ревизора.

Та же значительная степень сходства открывается намъ и въ весьма многихъ сценахъ и отдѣльных мѣстахъ обѣихъ комедій.

Прослѣдимъ сцену чтенія письма въ первыхъ дѣйствіяхъ той и другой комедіи, обративъ вниманіе на ходъ чтенія письма, на его содержаніе и на впечатлѣніе, произведенное имъ на чиновниковъ города.

Въ комедіи Квитки городничій, прервавъ свое чтеніе, вдругъ обращается ко всѣмъ собравшимся со словами: „Вотъ важная новость! Слушайте, слушайте всѣ! Это ко всѣмъ касается.“

Всѣ: „Что, что такое? Читайте.“

Городничій: Это письмо ко мнѣ одинъ изъ слу-

жащихъ въ губернаторской канцелярїи: онъ у меня на пенсїи.

Степенный городничій Гоголя говоритъ приглашеннымъ чиновникамъ: „Я пригласилъ васъ, господа, всѣхъ, для того, чтобъ сообщить одно чрезвычайно любопытное извѣстіе, которое, признаюсь вамъ, чрезвычайно меня потревожило: къ намъ ѣдетъ ревизоръ!“.

Повенчатель богоугодныхъ заведеній: Что вы говорите?

Смотритель училищъ: Неужели?

Судья: Нѣтъ?

Христіанъ Ивановичъ: Онъ будетъ сюда?

Изъ дальнѣйшихъ словъ городничаго я опускаю вставку о снѣ съ крысами, въ первоначальномъ текстѣ — собаками, и приведу лишь послѣднія слова, вполне соответствующія вышеприведеннымъ словамъ городничаго у Квитки: „Вотъ я вамъ прочту письмо, говоритъ Сквозникъ-Дмухановскій, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Тшккина, котораго вы, Антонъ Антоновичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ.“

Далѣе въ обѣихъ комедїяхъ идетъ чтеніе самыхъ писемъ. Помѣщенныя въ началѣ ихъ обращенія у Квитки и у Гоголя совпадаютъ: у перваго авторъ письма величаетъ городничаго такъ: „Почтенный благодѣтель Оома Оомичъ!...“, у Гоголя — „любезный другъ, кумъ и благодѣтель!“ Изъ писемъ очевидно, что между авторами ихъ и городничими дѣйствительно существовали одинаковыя отношенія: оба они получали нѣчто отъ благодѣтелей за своевременныя предупрежденія по дѣламъ службы.

„Имѣю честь поздравить васъ,—пишетъ городничему Квитки состоящій у него на пенсїи чиновникъ, съ наступленіемъ теплою погоды и прїятныхъ дней, и чрезъ сіе напомнить, что скоро сблизится время третнему отъ васъ окладу. Присемъ прошу, вмѣсто положенной мнѣ по штату провизїи, доставлять деньгами, по спра-

вочнымъ дѣламъ. Это будетъ круче и, по нынѣшнимъ неприятымъ временамъ, осторожнѣе. При семъ извѣщаю васъ, что его превосходительство г. губернаторъ получилъ какія-то бумаги изъ Петербурга, но еще къ намъ не переданы, и потому мнѣ неизвестно ихъ содержаніе, а когда узнаю, то сообщу. Коню съ предписаній, заготовляемыхъ къ вамъ, при семъ посылаю; приготовьте все заранѣе и по полученіи немедленно отвѣчайте, чтобъ васъ похвалили. При семъ снѣшу васъ уведомить: держите ухо востро! Черезъ вашъ городъ пойдетъ важная и знатная особа — но кто? неизвестно" („Пріказаніе", д. I, явл. 8).

Начало этого письма до слова „уведомить" у Гоголя опущено: городничій, не желая раскрывать свои дѣлшки передъ сослуживцами, читаетъ это, бормоча въ полголоса и пробѣгая глазами, говорится въ указаніи Гоголя, и сразу переходитъ къ слову „уведомить": Вотъ все это мѣсто въ комедіи: „Вотъ что онъ пишетъ: Любезный другъ, кумъ и благодѣтель! (бормоча въ полголоса, пробѣгая глазами...) уведомить тебя". А вотъ: „Снѣшу между прочимъ уведомить тебя (первоначально тебя не было), что сюда пріѣхалъ чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ осмотрѣть всѣ губерніи, а болѣе всего нашу" („Ревизоръ", д. I, явл. I).

Затѣмъ въ томъ и другомъ письмѣ идетъ рѣчь о губернаторѣ:

„Г. губернаторъ съ нимъ съ аттенціею читаемъ въ первомъ письмѣ, многого писать не смѣю; онъ идетъ, яко-бы, въ Крымъ, но имѣйте предосторожность".

Въ письмѣ въ „Ревизорѣ" Гоголя находится тоже: „у васъ даже губернаторъ узналъ его постѣ выѣзду", а далѣе прибавлено, что этотъ чиновникъ представляетъ себя частнымъ лицомъ, а потомъ Тинкинъ также совѣтуетъ городничему „взять предосторожность и предостережся на время отъ прибыточной стрижки", т. е. взятокъ".

И концы писемъ отличаются близостью: въ комедіи „Пріѣзжіи“ письмо заканчивается предупрежденіемъ о скорости пріѣзда того чиновника: „онъ выѣзжаетъ завтра, и, по расчету, будетъ вмѣстѣ съ симъ письмомъ. Затѣмъ и проч...“ На этомъ мѣстѣ прерывается чтеніе городничій Квитки. У Гоголя городничій читаетъ тоже самое: „онъ можетъ пріѣхать всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь никогдѣ. Вчерашняго дня я... (ну тутъ пошли ужъ семейныя дѣла...)... Сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ со своимъ мужемъ. Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ и проч. и проч.“ Такимъ образомъ сходство въ письмахъ, помимо общаго содержанія, простирается даже на отдѣльныя выраженія, которыхъ легко было избѣжать.

Переполохъ, поднятый извѣстіемъ о ревизорѣ и мѣры, принятыя чиновниками, можно сказать, совершенно тождественны въ обѣихъ комедіяхъ: привести въ порядокъ дѣла, учрежденія и городъ, представиться въ муниципалитетѣ ревизору, угостить его и помѣститъ на квартирѣ у городничаго, чтобъ лишить доступа безпокойныхъ чело-вѣчиковъ.

„Ну что намъ дѣлать? А?“—восклицаетъ изумленный городничій въ комедіи „Пріѣзжіи“: „я весь въ жару и морозъ по кожѣ подираетъ. Ума не приложу, что и дѣлать! Важная и знатная особа... Вѣрно, ревизоръ!“ восклицаетъ онъ.

Судья Спалкинъ предлагаетъ „принять и угостить получше; а завтра гладенько приняться за дѣло“. Матрена Степановна и Домна Оомишчна выражаютъ желаніе устроить послѣ театра родъ благороднаго танцевальнаго собранія. Городничій сейчасъ-же рѣшаетъ: „квартира ревизора должна быть у меня“. Печаташкинъ совѣтуетъ отправиться по домамъ, одѣться въ мундиръ и собраться для встрѣчи, а тѣмъ временемъ поприбраться городъ.

У Гоголя, при иномъ ходѣ дѣйствія и при развитіи такихъ сторонъ пьесы, которыя у Квитки были только намѣчены, а съ другой стороны при упрощеніи ея, и это все есть, но только распределено въ разныхъ мѣстахъ комедіи.

Городничій Гоголя, прочитавъ письмо, восклицаетъ: „Ну такъ вотъ какое обстоятельство. У меня просто голова идетъ кругомъ“. Когда-же онъ услышалъ отъ Бобчинскаго и Добчинскаго о томъ, что ревизоръ уже въ городѣ, городничій въ испугѣ обращается къ чиновникамъ, съ тѣмъ-же вопросомъ, какъ городничій Квитки: „Какъ вы, господа, какъ? Вѣтъ я во всеобщемъ собраніи вашемъ теперь... Какъ вы присовѣтуете? Что, то есть, что намъ дѣлать? Какъ, то есть, какъ приступить къ дѣлу? („Ревизоръ“, дѣйст. I, явл. 3 — по первоначальному наброску).

Почтмейстеръ въ комедіи Гоголя предлагаетъ тоже, что и Печатакини: „Я того-же мнѣнія, чтобъ теперь намъ вѣтъ, такъ, какъ главнымъ чиновникамъ города, нужно-бы отправиться тотчасъ-же въ гостиницу...само собою разумѣется, что въ мундирахъ“.

Насколько близки между собою въ обѣихъ комедіяхъ приказанія, даваемые городничими своимъ приставамъ для приведенія города въ благопристойный видъ къ пріѣзду ревизора, можно судить изъ слѣдующаго: въ комедіи „Пріѣзжій“ приставъ докладываетъ городничему, что уже улицы метутъ пыль столбомъ, свѣту Божьяго не видать, и городничій велитъ поливать пожарной трубой, чтобъ она улеглась; затѣмъ приказываетъ замостить тротуары, снявъ ихъ съ шейки улицы, и прибить колышками, поставить столбы для фонарей, запечатать вѣсѣ печи, чтобъ не произошло пожара, собрать народу побольше на мосту, чтобъ не было видно гнилыхъ покрашенныхъ перилъ, а „если обрушатся, такъ не бѣда“, а въ пустую тюрьму набрать кого-нибудь зря, да и рассадить по порядку, и народъ на улицу выгнать въ

праздничныхъ одеждахъ. Припомнимъ, что и въ „Ревизорѣ“ Гоголя городничій отдастъ приказъ взять по метрѣ и вымести чисто всю улицу до трактира, гдѣ живетъ Хлестаковъ, подчищать тротуаръ (причемъ упоминается и пожарная труба), шнурокъ протянуть, какъ будто улица прокладывается, народъ выгнать на улицу, но не выпускать гарнизонныхъ солдатъ, которые „надѣнуть мундиръ, а вѣшу ничего нѣтъ“.

Теперь возьмемъ известную бесѣду Хлестакова съ семействомъ городничаго и чиновниками, послѣ завтрака въ больницѣ, когда онъ беззащитно лежитъ имъ о своемъ служебномъ и общественномъ положеніи, доводя эту ложь до невѣроятныхъ размѣровъ, и сооставимъ съ разбросанными по всей пьесѣ высокомерными заявленіями Пустолобова о своей знатности и богатствѣ. Правда, между ними есть и разница, главнымъ образомъ, въ томъ, что Хлестаковъ лежитъ непреднамеренно, какъ бы унываясь несбыточными мечтами, а Пустолобовъ сознательно, съ опредѣленною цѣлью; но сильного сходства отрицать никакъ нельзя.

Вотъ рядъ восклицаній Пустолобова, такого-же мелкаго чиновника, какъ Хлестаковъ: „Къ чему извиненія, любезный городничій!.. Мы, знатные, утомясь всегдашней пышностью, очень бываемъ рады, когда случай приведетъ къ простотѣ... Откровенно вамъ скажу: я врагъ всякаго этикета; но приличіе — тиранъ нашей братіи, вельможъ (ком. „Пріѣзжій“, дѣйст. III, явл. 1)“. „...Ахъ ежели бы вы могли постигнуть все обязанности государственнаго челоуѣка, говоритъ Пустолобовъ, обращаясь къ Учено-свѣтову: вы едва не разрушили плана, три года обдумываемаго нашею министеріею... Когда нибудь я вамъ открою, какъ я дерзостью... и пусть такъ называютъ — шалостью, но обдуманною, патріотическою, свергнулъ въ пяти государствахъ первѣйшихъ министровъ, взнеслъ на стеницы, пришилъ все (въ руки... и съ тѣхъ поръ утвердиль равновѣсіе въ Европѣ... Бѣда намъ знатнымъ!“

Всякій шагъ нашъ замѣчаютъ!» Уже изъ этого видно, что дожъ Пустолобова шла дальше, чѣмъ Хлестакова, который говорилъ лишь, что игралъ въ вѣсть съ посланниками и разъ управлялъ министерствомъ. «Кому я повѣрю государственныя дѣла», замѣчаетъ Пустолобовъ городничему: «когда въ Петербургъ не могли найти человека, кому-бы повѣрить мое писмоводство, то какъ же вы думаете здѣсь?» (Дѣйст. III, явл. 3).

На предложеніе городничаго отдохнуть послѣ обѣда, онъ важно восклицаетъ: «миѣ отдыхать?... Что было-бы тогда съ Россією, ежели-бы я съелъ послѣ обѣда?»

Домиѣ Омниичиѣ онъ говоритъ: «иду отправлять эстафеты къ разнымъ дворамъ Европы...» (Дѣйст. III, явл. 2) ...занимаясь по управленію государственному, мы, знатные, не имѣемъ времени подумать о себѣ... Бывъ у васъ въ домѣ, миѣ случайно пришла мысль, что у насъ при дворѣ недостаѣтъ одной дамы для исполненія придворнаго этикета...» «Обыкновенные люди все дѣла свои ведутъ обыкновеннымъ образомъ, даже и женитьбу; но нашего разбора чиновники не подвержены общимъ правиламъ. Смѣшно было-бы, если-бы я началъ говорить о любви, о нѣжностяхъ. О, какъ-бы этому смѣялся дипломатическій корпусъ всей Европы. Говорить о состояніи, званіи и могуществѣ моемъ, почитаю издѣлиемъ; кто этого не знаетъ!... Я долженъ отправить курьера съ извѣстіемъ о моемъ бракѣ...» «Государственный человекъ живетъ не для своихъ видовъ» (Дѣйст. III, явл. 9).

Если съ этими мѣстами сравнить рѣчь Хлестакова, то сейчасъ-же замѣтимъ, что Гоголь придаѣтъ цѣльность этой рѣчи, сдѣлать ее проще и определеннѣе, но зато, по необходимости (Хлестаковъ говоритъ постепенно нѣянѣя отъ дѣйствія вишь, вышитыхъ на завтракъ), и неослѣдовательнѣе, вслѣдствіе чего она походитъ на бредъ невменяемаго человека, гдѣ фантазія перемѣшивается съ отголосками дѣйствительности.

Впечатлѣніе, произведенное на чиновниковъ обоими ревизорами, было совершенно одинаковое: у Квитки оно выражается устами Спалкина: „такая важная особа!... Скажите, пожалуйста, кто онъ! Кто говоритъ, что онъ ревизоръ, посланникъ съ необыкновенной властью и силой, а настоящаго никто не знаетъ“... „О, да умная голова! ...Я мало вслушиваюсь (за обѣдомъ), но онъ говорилъ о многомъ, и все умно и безостановочно. Да выбрали голову голову послать!“ („Прѣзв.“, д. IV, явл. 8); Гоголь же заставилъ высказать это Бобчинскаго: „А что, Петръ Ивановичъ, мнѣ такъ, я вамъ скажу, даже страшно едѣлалось, ей Богу! Еще никогда не было я въ присутствіи такой персоны. А что, какъ вы думаете, онъ генераль? А я думаю самъ, что онъ больше, чѣмъ всякій генераль... Это такой, что еще никогда не бывало: и во дворецъ ѣздитъ, и всѣ такія министерскія штуки отприваляетъ“ („Ревиз.“, д. III, явл. 7).

Нуждаясь въ деньгахъ, оба героя и Пустолобовъ и Хлестаковъ, выпрашиваютъ ихъ себѣ у обезумѣвшихъ отъ страха чиновниковъ. Какъ набиралъ взятки Хлестаковъ, говорить излишне, потому что комическія сцены появленія Сквозника - Духановскаго въ номеръ Хлестакова и представленія чиновниковъ всѣмъ хорошо извѣстны. Пустолобовъ въ этомъ случаѣ поступаетъ не такъ нагло, какъ Хлестаковъ: онъ беретъ у городничаго 500 рублей въ счетъ 10-ти тысячъ, которые будто-бы ему назначили для выполненія возложенной тонкой хитрости. Онъ взялъ-бы деньги и у Ученосвѣтова и Печатакина, если-бы онъ оказались у нихъ, а не у казначея, которому онъ уже были сданы; казначей-же уѣхалъ изъ города. Это и было причиной гнѣва и угрозъ Пустолобова, который кричалъ городничему о казначей: „онъ погнѣбъ навсегда! итъ средствъ меня упротить“.

За содѣйствіе Пустолобовъ обѣщаетъ чиновникамъ награды: „поисѣшите, говоритъ онъ Ученосвѣтову, до-

ставить мнѣ записку, что бы вамъ желалось получить?" (дѣйст. III, явл. 3); тоже предлагаетъ сдѣлать и Печаткину: „доставьте мнѣ записку, что вы желаете получить: чинъ, орденъ, мѣсто или денежное вознагражденіе? Я все вамъ доставлю“; и городничему Пустолобову предлагаетъ вмѣстѣ съ деньгами приготовить просьбу о наградѣ. Также самое дѣлаетъ Хлестаковъ, общая чиновникамъ и городскимъ лицамъ представить къ ордену или похлопотать за нихъ.

И изъ отдѣльныхъ мѣстъ комедіи можно указать немалое число случаевъ близкаго сходства.

Въ обѣихъ комедіяхъ, наирѣмѣрь, идетъ рѣчь объ „обозрѣніи“ ревизоромъ городскихъ учреждений: у Квитки, правда, Пустолобовъ не ѣздитъ по городу съ городничимъ, какъ Хлестаковъ, но имѣетъ это въ виду: „Благодарю васъ, господинъ городничій, за порядокъ въ городѣ“, говоритъ Пустолобовъ: „При первомъ возрѣніи, я замѣчаю благоустройство; а тамъ... увидимъ“, Судья Спалкинъ высказываетъ Пустолобову: „надѣюсь при обозрѣніи вашему заслужить одобреніе“, а городничій спрашиваетъ: „какія части изволите осматривать?“ („Прѣзскій“, дѣйст. III, явл. 4). Гоголь, который заставляетъ своего ревизора отправиться на осмотръ учреждений, первоначально ограничивался почти тѣми-же фразами, какія находимъ въ комедіи Квитки: Добчинскій, уходя изъ дома городничаго, говоритъ: „я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ“ („Ревизоръ“, дѣйст. III, явл. 2), а Хлестаковъ, послѣ „обозрѣнія“ такую выражаетъ благодарность: „очень, очень хорошо, господа! Покорно благодарю васъ за то, что вы мнѣ показали разныя заведенія — я люблю это“.

Эпизодъ ухаживанія за ревизоромъ городничихи и ее дочери и предложенія ревизоромъ руки последней въ комедіи Гоголя также находятъ себѣ соответствіе въ комедіи Квитки, хотя распределеніе ролей Квитки под-

верглось у Гоголя значительному измѣненію: Пустолобовъ собрался жениться на племянницѣ городничаго, о немъ вовсе не мечтавшей, а самъ сдѣлался предметомъ увлеченія сестры городничаго, уже покойной Домны Оомничны, и дочери стряпчачаго Ейжени. Благоговѣніе ихъ передъ Пустолобовымъ нельзя не сопоставить съ подобострастнымъ отношеніемъ городничихи и ея дочери къ Хлестакову, и мечты и высокомеріе жены городничаго Гоголя вполне совпадаютъ съ помыслами и настроеніемъ сестры городничаго Квитки, отличаеь лишь большею определенностью. Домна Оомнична, торопясь устроить дѣло, не имѣетъ досуга, какъ Анна Андреевна, раскрыть свои надежды, но онѣ ясны изъ оброненныхъ ею словъ Пустолобову: „я лучше устрою дѣла Европы, нежели ваше превосходительство ожидаете“... „Ныѣшній вечеръ вы успокоите Европу своимъ бракосочетаніемъ съ прелестною особою“. Когда Пустолобовъ, желая отблагодарить за согласіе на бракъ его съ ея племянницей, сказалъ ей: „я васъ введу въ высшій кругъ и вы будете знатной дамой, и имя ваше будетъ въ исторіи“, Домна Оомнична съ радостью воскликнула: „стало быть, вы полагаете меня имѣющею даръ быть въ высшемъ кругу“... „О какъ обрадуется добрый братъ мой, когда съ возвращеніемъ вашимъ сюда узнаетъ, что устроено счастье любимой имъ особы, и онъ самъ возведенъ на высшую степень чести!“ („Пріѣзжіи“, дѣйст. IV, явл. 5). Приставу Шарину, спросившему, гдѣ городничій, Домна Оомнична высокомерно отвѣтила: „Я ни о чемъ не знаю и знать не хочу. Все теперь ниже меня“. Гоголь оцѣнилъ важность этихъ вѣщанекъ высокомерія и выразилъ ихъ въ отдельной сценѣ, полной неподдѣльнаго комизма, въ V дѣйствіи.

Много общаго оказывается и при сравненіи тѣхъ явленій, гдѣ чиновники представляются пріѣзжему ревизору, сначала вмѣстѣ, а затѣмъ порознь. Напускная важность Пустолобова выдерживается Квиткою весьма

строго, но зато въ его чиновникахъ, несмотря на всю суровость ревизора, замѣчается доля сомнѣнія въ его подлинности: Гоголь же ослабилъ односторонность ревизора и опростилъ его обращеніе съ окружающими, а чиновниковъ, наоборотъ, почти совсѣмъ лишилъ критическихъ способностей, оставивъ въ общемъ тѣ-же отношенія между ними и ревизоромъ. Оба самозванные ревизора знаютъ, съ кѣмъ имъ приходится имѣть дѣло, совершенно одинаково смотрятъ на лицъ, съ которыми столкнула ихъ судьба, и считаютъ ихъ „дураками“.

„Ха, ха, ха, ха! Мой планъ благодаря дуракамъ идетъ очень удачно“, радуется Нуστοлобовъ: „сестра городничаго убѣдить робкую институтку быть знатною дамою. Надобно очень снѣшить женитьбоксъ деньги уже есть. Женясь, принесу повинную много что отрѣшать, заживу въ деревнѣ бариномъ и буду доволенъ и здѣсь уважаемъ. Нельзя, кажется, сомнѣваться, чтобы невѣста отказала. Въдь очень лестно попасть въ высшій кругъ и сдѣлаться знатною дамою. Ха, ха, ха! На мой вѣкъ дураковъ станетъ“ („Прѣзкій“, дѣйств. III, явл. 10). Хлестаковъ размышляетъ точно такъ-же: „Право удивительно! Отчего это такъ? Въдь эжо въ самомъ дѣлѣ какіе дураки! Какъ теперь у меня около двухъ тысячъ рублей - прямо какъ будто съ неба упали?“ („Ревизоръ“, первонач. набросокъ, д. IV, явл. 10).

Остановимся еще на одной изъ послѣднихъ сценъ въ обѣихъ комедіяхъ на раскрытіи самозвацтва Нуστοлобова Хлестакова. И въ той и въ другой комедіи мнимые ревизоры, озабочившіеся убраться на казенныхъ лошадахъ изъ гостепріимнаго города, узнаются по письмамъ, съ тою разницею, что у Квитки письмо получено отъ губернатора, узнавшаго о профѣлкахъ Нуστοлобова изъ доносенія почтмейстера, а у Гоголя почтмейстеръ приноситъ вскрытое имъ письмо самого Хлестакова, которое тотъ вѣдумалъ послать своему пріятелю. Но впечатленіе отъ нихъ было совершенно

одинаково: страшная досада и негодование городничаго и другихъ чиновниковъ на свою близорукость, что мы находимъ и у Квитки, хотя и не въ той-же степени, какъ у Гоголя. вѣдь и чиновники гоголевскіе пострадали болѣе, чѣмъ Квитки.

Вмѣсто того, чтобъ ловить Хлестакова, Гоголь караетъ чиновниковъ-взяточниковъ, ошеломляя ихъ требованіемъ къ дѣйствительному ревизору. Страхъ передъ нимъ сковалъ всѣхъ въ неподвижную групу, какъ сильный морозъ вмгъ оледеняетъ текучую воду.

Для этой пѣмой сцѣны, которою Гоголь такъ искусно обрываетъ свою комедію, нельзя указать параллели въ комедіи Квитки, гдѣ дѣйствіе завершается шаблоннымъ концомъ съ торжествомъ добродѣтели и наказаніемъ порока.

У Квитки есть другая пѣмая сцена, изображающая изумленіе при донесеніи пристава Шарина, что Пустолобовъ уѣхалъ съ Анной Петровной, племянницей городничаго: „Всѣ вскрикиваютъ: съ Анной Петровной!“ и при этомъ Квитка добавляетъ: „городничій стоитъ въ удивленіи. Милость почти безъ чувствъ склоняется на руки изумленнаго Отчетина. Спалкнѣть, какъ открылъ табакерку, въ томъ положеніи и остался“. Весьма возможно, что Гоголь, ощутивъ это, придумалъ закончить свою пьесу подобнымъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, но только съ большимъ драматизмомъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и совпаденіе отдѣльныхъ выраженій въ обѣихъ комедіяхъ, бросающееся въ глаза при общемъ богатствѣ языка Гоголя.

Ученосвѣтовъ въ комедіи „Пріѣзжій“ возвѣщаетъ собравшемуся обществу о чрезвычайномъ происшествіи, называя такъ предстоящее театральное представленіе, а Бобчинскій у Гоголя, вбѣгая, также кричитъ: „чрезвычайное происшествіе“. У Квитки Пустолобова величаютъ ревизоромъ, нашимъ гостемъ, знаменитымъ пріѣзжимъ, вельможей, важной осо-

бой, превосходительной особой, превосходительствомъ, высокопревосходительствомъ, графскимъ сіятельствомъ, — такъ и у Гоголя Хлестаковъ получаетъ прозванія ревизора, важнаго гостя, вельможи, особы, важной особы, уполномоченной особы, генерала, превосходительства, свѣтлости. Когда судья Спалкинъ спросилъ у городничаго о чинѣ ревизора и какъ титуловать его, городничій отвѣтилъ: титуловать превосходительствомъ или сіятельствомъ („Прѣзкій“, дѣйст. II, явл. 8). На вопросъ городничаго о чинѣ самъ Пустолобовъ сказалъ: „пожалуйста, любезный городничій, безъ чиновъ и всѣхъ прошу, но ежели нужно знать, то скажу вамъ: что я уже достигнулъ до той стѣпени, выше которой подобныя мнѣ не восходятъ“. Едва-ли возможно отрицать сходство этихъ словъ съ словами Хлестакова: „безъ чиновъ, безъ чиновъ! Я прошу васъ, садитесь“ и съ его опредѣленіемъ чина: „хоть я не имѣю генеральскаго чина, но мнѣ однакожъ такъ, какъ и генераламъ иншуть: „Ваше превосходительство“; да, я васъ увѣрю. („Рев.“, первоначальный текстъ, дѣйст. III, явл. 6. ¹⁾ Не мѣшаетъ указать, что, въ первой редакціи, Осипъ слуга Хлестакова, на вопросъ городничаго „на баринѣ твоємъ какой чинъ?“ отвѣчалъ: „Да чинъ побольшой что-то: такъ не меньше полковника, коли еще не больше“... (д. III, явл. 11).

Въ комедіи Квитки Ейжени радуется, что ревизоръ на нее смотрѣлъ, а у Гоголя городничиха съ дочерью спорить тоже о томъ, на кого изъ нихъ ревизоръ смотрѣлъ. Матрена Степановна, придя въ восторгъ отъ Пустолобова, когда тотъ подаль руку ей дочери, воскликнула: „Ахъ, какой умный! Какой образованный! Вотъ ужъ и видно отличное воспитаніе“. Также высказываетъ о Хлестаковѣ и Анна Андреевна: „Я просто видѣла въ немъ

¹⁾ Сочиненія Гоголя, изд. 10-ое, т. VI, 102.

образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человека“: во второй редакціи. Анна Андреевна начинаетъ бесѣду о ревизорѣ такъ: „Ахъ, какой пріятный... какое тонкое обращеніе! Сейчасъ можно увидѣть отличную штучку. Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо!“ („Ревиз.“, дѣйств. III, явл. 7).

Подобныя примѣры сходства выраженій обѣихъ комедій, сами по себѣ незначительныя, приобретаютъ важность въ нашихъ глазахъ потому, что они являются лишь неизбежнымъ слѣдствіемъ тѣсной зависимости, существующей между комедіями Гоголя и Квитки въ другихъ, весьма разнообразныхъ отношеніяхъ.

Всѣ сдѣланныя нами сопоставленія приводятъ къ выводу, что комедія Гоголя „Ревизоръ“ несомнѣнно создана подъ влияніемъ комедіи Квитки „Пріѣзжій изъ столицы“ и въ выборѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ одинаковомъ комизмѣ ихъ положеній, и въ подробностяхъ выполненія. Однако, эта зависимость нигдѣ не переходитъ въ простое заимствованіе: нѣтъ, передъ нами переработка пьесы, исполненная по болѣе глубокому замыслу и съ необыкновеннымъ художественнымъ тактомъ. При пересозданіи комедіи Квитки, Гоголь употребилъ все свое искусство, вложилъ рѣдкую наблюдательность, выказалъ замѣчательное остроуміе и тонкій юморъ, оживилъ веселостью и непринужденностью; но все это явилось не сразу, а послѣ болѣе чѣмъ шестилѣтней работы.

Чѣмъ-же достигъ Гоголь совершенства своей комедіи? Прежде всего онъ уничтожилъ сложность сюжета комедіи Квитки „Пріѣзжій“, откинувъ одну изъ двухъ интригъ, допущенныхъ Квиткою въ эту комедію, и освободилъ ее отъ ненужныхъ добавленій, въ родѣ утомительной для зрителя хлопотливости Ученосвѣтова по устройству спектакля. Ходъ пьесы, построенной на рядѣ случайностей, превратился у Гоголя изъ некустареннаго

въ совершенно простой и естественныя, посредствомъ болѣе тѣсной связи между подготовляющими одна другую сценами: развитіе дѣйствія пошло съ такою быстротою, что почти не осталось никакихъ слѣдовъ вялости и растянутости комедіи Квитки, а отъ перенесенія дѣйствія изъ квартиры городничаго въ гостиницу и обратно она еще болѣе выиграла въ живости, которой мѣшало соблюдавшемуся Квиткою единство мѣста.

Гоголь исключилъ изъ своей комедіи всѣхъ „доброправныхъ“ лицъ, среди которыхъ у Квитки былъ и свой резонеръ Отчетинъ, но зато онъ ярче обрисовалъ своихъ героевъ и героинь, сумѣлъ придать болѣе типичную окраску и надѣлалъ такими мѣткими національными чертами, что онѣ кажутся совершенно самостоятельно созданными портретами, для которыхъ лица комедіи Квитки могли послужить лишь слабыми контурами. При всей несложности дѣйствія, Гоголь успѣлъ развернуть ихъ характеры въ ясныхъ комическихъ положеніяхъ, набросанныхъ рѣзко, даже грубо, но замѣчательно продуманно. Изъ легкой, забавной комедіи-фарса Квитки создалась у Гоголя, путемъ послѣдовательныхъ передѣлокъ и измѣненій, серьезная общественная комедія, бичующая не мелочи жизни, а мракъ, ничтожество, подлость, и рисующая вѣрную „картину вопіющихъ неправдъ жизни“ ¹⁾.

На „Ревизорѣ“ обнаружилась особенность таланта Гоголя и его направленія, иная, чѣмъ Квитки, и воздѣйствіе новыхъ пріемовъ драматическаго творчества, которыхъ не зналъ провинціалъ Квитка, отсталый послѣдователь старыхъ теорій, не находившій въ себѣ силъ отбиться отъ ихъ стѣнительныхъ условій. Вотъ на этой почвѣ становится замѣтнѣе всего та разница, которая заставила высоко вознестъ комедію Гоголя и совершенно забыть ея виновницу комедію Квитки.

¹⁾ Ап. Григорьевъ. Сочиненія, т. I, 157.

Однако не только въ этой комедіи Гоголя, но и въ нѣкоторыхъ раннихъ его повѣстяхъ, Квитка можетъ считаться однимъ изъ главныхъ его вдохновителей.

Между талантами этихъ двухъ малороссовъ существовало много общаго: оба они превосходно схватывали комическую, мяскую сторону жизни, оба искусно вели рассказъ съ неподражаемымъ юморомъ, оживляли его комизмомъ положеній и живописнымъ изображеніемъ природы, обыкновенно родной имъ Украины, оба черпали широкой струей изъ міра народныхъ нравовъ, обычаевъ и поэзіи. Можно согласиться съ мнѣніемъ, что „юмористическимъ изображеніемъ провинціальной жизни, безъ всякой идеализаціи, свойственной писателямъ того времени, своими насмѣшками надъ криво-судіемъ, надъ барскою сѣбью, надъ пошлостью помѣщицкой жизни“ Квитка опередилъ Гоголя ¹⁾.

Но Квитка не имѣлъ большого успѣха: непосредственность его дарованія не могла замѣнить недостатка образованія, а примѣняя теплоту чувства съ отгѣнкомъ легкой грусти и наивность, Квитка возвращалъ читателей къ временамъ сентиментализма, представителемъ котораго онъ и считается въ украинской литературѣ. Его повѣстямъ и комедіямъ недоставало силы выразительности; онѣ грѣшили растянутостью и вялостью; не было въ нихъ и законченности цѣлаго, отчасти потому, что Квитка писалъ по старымъ приѣмамъ и слишкомъ торопливо. Гоголь, будучи гораздо талантливѣе и образованнѣе Квитки и обладая рѣдкой натурой истиннаго художника, ясно видѣлъ несовершенства его произведеній и легко избѣжалъ ихъ, при благодѣтельной поддержкѣ своихъ литературныхъ друзей. Несмотря на первность характера, онъ работалъ неспѣшно и съ замѣчательнымъ спокойствіемъ, былъ очень требователенъ, даже

¹⁾ „Отъ издателя (А. Великанова)“, въ 1 т. „Драмат. сочиненій Григ. Квитки“, Спб. 1862, стр. II.

строгъ къ своему труду и не выпускалъ его въ свѣтъ иначе, какъ послѣ тщательной отдѣлки, и востанки бывали недоволенъ имъ и временами опять возвращался къ нему, что подтверждаютъ уцѣлѣвшія его рукописи.

Однако, было бы ошибочно думать, что Квитка былъ мало извѣстенъ въ литературныхъ кругахъ того времени и пользовался лишь однимъ снисходительнымъ покровительствомъ у нихъ вліятельныхъ представителей. Гоголь едва-ли могъ не знать тѣхъ сочувственныхъ отзывовъ, которые раздавались при выходѣ первыхъ комедій Квитки „Дворянскіе выборы“ (1829 г.) и „Выборъ неправника“ (1830 г.). Николай Полевой, въ своемъ журналѣ „Московскій Телеграфъ“, не скрывая недостатковъ комедіи „Дворянскіе выборы“, гдѣ, по словамъ его, „слаба завязка, характеры не выдержаны, а разговоры, слогъ и проза принадлежатъ къ эпохѣ Фон-визина“, весьма восторженно выставляетъ, что „авторъ ея взялъ предметъ совершенно новый, оригинальный; что онъ обратилъ въ смѣхъ одно изъ ужасныхъ золъ современнаго общества и вывелъ на комическую сцену людей, которыхъ мы знаемъ; что, заставивъ ихъ говорить и дѣйствовать и забавлять собою, онъ бросилъ перчатку гибельному и опасному пороку“. По мнѣнію Полевого, авторъ „Дворянскихъ выборовъ“ заслуживаетъ истинной благодарности за то, что показываетъ нашимъ критикамъ богатство матеріаловъ, которое у нихъ подъ рукою, но которыхъ они не видятъ ¹⁾.

Этотъ взглядъ проводился Полевымъ послѣдовательно, съ увѣренностью, что „оставляя цѣни классицизма и разрабатывая рудникъ народности нашей, мы успѣемъ создать комедію русскую“ ²⁾.

Весьма вѣроятно, что и тѣ новые взгляды Гоголя на комедію, о которыхъ онъ передавалъ С. Т. Аксакову въ

¹⁾ „Московскій Телеграфъ“, 1829 г., часть 26, стр. 9.

²⁾ Тамъ-же, стр. 92.

Москвѣ, и самыя комедіи его были въ связи съ новыми вѣяніями, высказывавшимися въ журналахъ конца 20-хъ годовъ разнообразныхъ литературныхъ лагерей.

Но вотъ что странно, почему Гоголь нигдѣ, по крайней мѣрѣ въ изданныхъ произведеніяхъ и бумагахъ, не упоминаетъ имени Квитки, какъ будто для него онъ вовсе не существовалъ. Правда, первые рассказы, статьи и комедіи Квитки печатались подъ псевдонимами Фалалѣя Повинухина, Аверьяна любопытнаго, Юноши Бѣлаго города или вовсе безъ подписи, но едва ли возможно предположить, чтобъ не знали имени автора, принимавшаго дѣятельное участіе въ нѣсколькихъ значительныхъ журналахъ и альманахахъ: наконецъ) Гоголь могъ слышать о Квиткѣ у Плетцова или отъ своихъ земляковъ, для которыхъ Квитка былъ не только писателемъ-украинцемъ, но еще и замѣтнымъ общественнымъ дѣятелемъ — харьковскимъ предводителемъ дворянства—въ теченіе 12-ти лѣтъ, учредителемъ перваго женскаго института на югѣ Россіи, предѣдателемъ уголовной палаты. Трудно отгадать причину этого умолчанія. Насколько умышленно поступилъ такъ Гоголь? Можетъ быть, говорило въ немъ скрытое недовольство тѣми голосами, которые съ осужденіемъ отзывались объ его дѣятельности и упрекали въ незнаніи Украины и въ отступничествѣ отъ нея? Критики Гоголя, въ родѣ Полевого, постоянно противопоставляли ему Квитку, какъ глубокаго знатока простонародной Украины, изображавшаго ее не по впечатлѣніямъ юности и не по письмамъ и народнымъ пѣснямъ, не по рассказамъ земляковъ, а по непосредственнымъ наблюденіямъ ея народа, съ которымъ онъ никогда не порывалъ связи. Такія сопоставленія, приправленные колкостями и мелочными придирками, тяжело ложились на сердце Гоголя, болѣзненно чуткаго ко всему, что затрагивало его самолюбіе, и не мало способствовали полному отчужденію между нимъ и Квиткою.

Наконецъ, появленіе въ печати, въ 40-мъ году комедіи Квитки „Пріѣздки изъ столицы“ вызвало рядъ замѣтокъ о зависимости между этой комедіей и „Ревизоромъ“ Гоголя, но самъ онъ обошелъ полнымъ молчаніемъ поднявшіеся толки. Несмотря на поверхностность сопоставленія, все признавали сходство сюжетовъ этихъ комедій и нѣкоторыхъ положеній, однако, не считая возможнымъ предположить заимствование со стороны Гоголя, высказывали убѣжденіе, что оба автора воспользовались однимъ и тѣмъ же сюжетомъ и самостоятельно создали пьесы съ одинаковымъ ходомъ дѣйствія. Смерть Квитки въ 1843 году подала поводъ снова завести рѣчь о близости этихъ комедій въ статьяхъ, посвященныхъ біографіи Квитки, напримѣръ, О. Кошн въ „Литературной Газетѣ“ ¹⁾ и К. Сементковскаго въ „Москвитянинѣ“ ²⁾. Но и на этотъ разъ Гоголь ни въ печати, ни въ частной перепискѣ, ни въ черновыхъ бумагахъ, о которыхъ только имѣются въ литературѣ свѣдѣнія, — нигдѣ не упомянулъ объ этомъ совпаденіи, какъ бы не удостоивая его своимъ вниманіемъ.

Съ тѣхъ поръ этотъ неразрѣшенный вопросъ всплывалъ по временамъ на литературную поверхность, но попрежнему лишь въ видѣ краткихъ указаній въ очеркахъ дѣятельности Квитки: въ 1854 г. коснулся его Сушковъ въ „Раутѣ“ ³⁾, въ 1856 г. — Г. Данилевскій въ очеркѣ „Основьяненько“. Этотъ Г. Данилевскій приводитъ слѣдующее любопытное обстоятельство: „Квитка-Основьяненько, узнавъ по слухамъ о содержаніи „Ревизора“, пришелъ въ негодованіе и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его появленія въ печати, а когда первый экземпляръ комедіи Гоголя былъ полученъ въ Харьковѣ, онъ созвалъ друзей въ свой домъ, прочелъ сперва свою

¹⁾ „Литературная Газета“, 1843 г., № 35, стр. 650.

²⁾ „Москвитянинъ“, 1843 г., № 10, стр. 417.

³⁾ „Раутъ“, 1854 г., т. III, стр. 321 и 333.

комедию, но процезированной тетрадкѣ, а потомъ и „Ревизора“. Гости ахнули и сказали въ одинъ голосъ, что комедія Гоголя цѣликомъ взята изъ его сюжета, и по плану, и по характерамъ, и даже по частной обстановкѣ“. Слѣдовательно, пришли къ еще большому выводу, чѣмъ тотъ, къ которому привело мое сопоставленіе обѣихъ комедій. Самъ Данилевскій высказывается весьма осторожно, не рѣшаясь признать заимствованія Гоголя: „сходства нельзя отрицать съ нѣкоторой стороны“, говоритъ онъ, „даже можно, пожалуй, полагать, что Гоголь читалъ въ рукописи комедию Основьяненко до написанія „Ревизора“, но тутъ же называетъ это сходство мнимымъ, ссылаясь на художественность характеровъ писемъ Гоголя и мастерской языкъ. Онъ даже готовъ объяснить сходство „Ревизора“ Гоголя съ комедіей Квитки тѣмъ, что сюжетъ, подобный сюжету комедіи Квитки, и „не могъ примѣниться къ себѣ въ какой-нибудь другой формѣ, чѣмъ та, въ которую онъ облекся въ обѣихъ этихъ комедіяхъ“ ¹⁾. Нечего говорить, что съ такими предположеніями нельзя согласиться, при необыкновенной своеобразности поэтическихъ образовъ, какіе являются въ фантазии талантливыхъ художниковъ слова, въ особенности, когда дѣло идетъ о совпаденіи не только нѣкоторыхъ общихъ чертъ, но и мелкихъ подробностей. Затѣмъ, уже въ 80-хъ годахъ, упомянулъ объ этомъ сходствѣ П. Марковъ въ статьѣ „Г. Ф. Квитка-Основьяненко“ ²⁾, а нѣсколько позже К. И. Петровъ—въ „Очеркахъ украинской литературы XIX-го столѣтія“ ³⁾.

Въ 1886 году, по поводу 50-лѣтія „Ревизора“, также было вскользь упомянуто о зависимости этой комедіи отъ комедіи Квитки.

¹⁾ Г. Данилевскій, Основьяненко, стр. 57.

²⁾ „Кіевская Старина“, 1883 г., т. VI, стр. 204.

³⁾ „Очерки украинской литературы XIX столѣтія“, 1884 г., стр. 91.

Насколько бѣлы и рѣдки были все эти указанія, можно судить изъ того, что они не проникали ни въ критическія статьи, посвященныя разбору „Ревизора“, ни въ очерки литературной дѣятельности Гоголя, и будучи слишкомъ слабо разъяснены, не внушали къ себѣ довѣрія или казались столь незначительными, что не вызывали собою желанія подробнѣе сопоставить объ комедіи и точнѣе опредѣлить степень сродства ихъ сюжетовъ и положеній. Старѣйшій біографъ Гоголя Кулишъ, который съ замѣчательною вѣрностью выяснилъ сравнительныя достоинства повѣстей Квитки и Гоголя изъ малорусскаго быта, ни обмолвился словомъ объ отношеніи комедіи „Ревизора“ къ комедіи Квитки, какъ будто между ними не существовало никакой преемственной связи. Безъ сомнѣнія, Кулишъ знаетъ комедію Квитки, но онъ не придавалъ значенія сродству ея съ „Ревизоромъ“, смотря на литературныя заимствованія какъ на явленіе весьма естественное, не мало ни ослабляющее цѣнности произведенія. Этотъ взглядъ былъ настолько обыченъ въ то время, что критика заговаривала о заимствованіи только тогда, когда оказывалось на лицо полное присвоеніе художественной собственности, безъ малѣйшей передѣлки и перемѣны имевъ.

Помимо общей подражательности, вѣдшейся въ нашу литературу съ древнѣйшихъ временъ и не исчезнувшей и по сіе время, здѣсь примѣнялся тотъ-же литературный пріемъ, который установился и на Западѣ, гдѣ еще меньше, чѣмъ у насъ, переменились съ чужою литературною собственностью. Въ одномъ изъ старинныхъ отзывовъ о французской трагедіи Пьера Лебрена „Marie Stuart“, передѣланной изъ нѣмецкой трагедіи Шиллера, мы находимъ сравненіе подобныхъ авторовъ съ дѣтьми спартацевъ, которымъ не только прощалось присвоеніе, но и оставлялось присвоенное, если они съ ловкостью выполняли похищеніе: „такъ и на Парнасѣ искусные воспроизводители не подвергаются строгому осужденію“.

Другой причины отсутствія у Кулиша упоминанія о комедіи Квитки указать нельзя: нечего думать, чтобы Кулишъ преднамѣренно замолчалъ фактъ, довольно извѣстный въ 40-хъ годахъ, послѣ появленія комедіи Квитки въ печати, когда рядомъ ходила и другая версія: будто Основьяненко заимствовалъ у Гоголя планъ „Ревизора“, а выставленный на „Пріѣзжемъ изъ столицы“ 1827 годъ считался мистификаціей со стороны Квитки.

Новѣйшій біографъ Гоголя г. Шеврокъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя“ ¹⁾ хотя и упоминаетъ о близости „Ревизора“ къ комедіи Квитки, но ограничивается ссылкой на Данилевскаго и Петрова и сбивчивыми замѣчаніями, несколько не вдаваясь въ глубь этого вопроса ²⁾. Сходство между „Ревизоромъ“ и пьесой Квитки, котораго онъ не отрицаетъ, то кажется ему лишь „вышнимъ“ и „случайнымъ и незначительнымъ“, то представляется „поразительнымъ и важнымъ“ въ совпаденіи ихъ завязокъ и развязокъ, и заставляетъ признать, что Гоголю „легче давалось яркое изображеніе жизни и созданіе характеровъ, нежели изобрѣтеніе самостоятельныхъ сюжетовъ, почти всегда повторяющихся или заимствованныхъ“, а между тѣмъ онъ пытается доказать, что совпаденіе было только частичное и между героями этихъ двухъ комедій нѣтъ почти ничего общаго. Подбирая къ нѣкоторымъ чертамъ характеровъ Хлестакова и городничаго сходныя съ ними черты другихъ гоголевскихъ типовъ, для подтвержденія сходства между ними, г. Шеврокъ упускаетъ изъ виду, что рѣчь идетъ не о буквальномъ, полномъ заимствованіи Гоголемъ у Квитки сюжета, характеровъ и положеній, а о томъ, что комедія Гоголя „Ревизоръ“ со-

¹⁾ Т. II, М. 1893 г., стр. 362—367.

²⁾ Тѣ же источники указываются и въ „Біографіи Г. О. Квитки-Основьяненка“, г. С. Р., помѣщенной въ VI т. харьковскаго изданія сочиненій Квитки, 1894 г., стр. XXXIII.

здалась подъ вліяніемъ комедіи Квитки, что Гоголь воспользовался ею, пересоздавъ по своему, сообразно съ своими цѣлями ¹⁾.

Такимъ образомъ вопросъ о зависимости „Ревизора“ Гоголя отъ комедіи Квитки „Пріѣзжій изъ столицы“ до послѣдняго времени оставался все въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ во времена появленія самого „Ревизора“; повторялись, почти безъ добавленій, первыя краткія указанія на сходство обѣихъ комедій, которыя явились подъ свѣжимъ обаяніемъ славы Гоголя, при безусловной вѣрѣ въ его оригинальность, и наконецъ такъ затерялись, что не входили въ труды по исторіи нашей литературы.

Конечно, и мои сопоставленія не могутъ считаться вполне раскрывающими отношеніе комедіи Гоголя къ комедіи Квитки, но, полагаю, ихъ достаточно, чтобы установить фактъ, что Гоголь не только читалъ комедію Квитки, но и пользовался ею при сочиненіи своего „Ревизора“.

Съ художественной точки зрѣнія большое значеніе этого факта, уясняющаго процесъ творчества Гоголя, ослабляется тѣмъ, что образы комедіи Квитки и ходъ ея дѣйствія облеклись у Гоголя въ гораздо лучшую форму, заставившую забыть блѣдный оригиналъ; но зато онъ безусловно важенъ въ историческомъ отношеніи, въ частности для исторіи русской комедіи, указывая на преемственность и зависимость, существовавшія между твореніями русскихъ мольеровъ.

¹⁾ Создавая „Ревизора“ изъ комедіи Квитки, Гоголь, по-видимому, перенесъ въ нее кое-что и изъ другихъ русскихъ комедій: сцена чтенія письма Хлестакова, когда читающій прерываетъ его на полусловъ, если затрагивается его личность, напоминаетъ подобную-же сцену въ старинной комедіи „Свадьба Прометалова“. (См. „Старое въ новомъ“ А. Фомина, Рус. Мысль, 1893 г., № 2); слуга Осипъ чрезвычайно похожъ на слугу Федьку въ комедіи Грибоѣдова „Студентъ“.

Можетъ быть, безсмертная комедія Гоголя унижается этою завиденностью отъ давно вѣми забытой комедіи Квитки? Но развѣ можно считать униженіемъ для великолѣбнаго рубина, когда указываютъ, что элементъ, его образующій, есть окрашенная разновидность безводной глины? Если отъ комедіи Гоголя отнимается оригинальность замысла и первоначальность разработки сюжета, зато теперь ярко выступаютъ заслуга его въ замѣчательной отдылѣ заимствованнаго, въ талантливо измѣненыхъ и добавленныхъ сценахъ, въ искусномъ опущеніи всего лишняго, въ замѣчательной законченности дѣйствія, въ живой обрисовкѣ характеровъ, въ глубинѣ изображенія душевныхъ движеній, вѣрномъ выраженіи ихъ во внѣшнемъ дѣйствіи и неподражаемомъ, неподдѣльномъ комизмѣ. Созданіе Гоголя не умаляется отъ сравненія съ комедіей Квитки, а усиливается. Вѣдь работа нашего духа состоитъ не только въ созиданіи новаго, совершенно оригинальнаго, необыкновеннаго, но также, и чаще, въ пересозданіи чужого, прежняго, стараго — худшаго на лучшее. Наслѣдіе творческое, какъ и наслѣдіе матеріальное, обыкновенно и естественно служить и даже должно служить исходною точкою отправления для его увеличенія и улучшенія. Безплодно одно простое повтореніе, а передъ нами талантливѣйшее возсозданіе чужого образца, съ необычайною вѣрностью духу и стилю самого возсоздателя.

Да проститъ память Гоголя, если теперь дѣйствительно раскрылась та тайна, въ которую онъ не пожелалъ посвятить даже ближайшихъ своихъ друзей.

Цѣна 60 коп.

Gaylor
SPEEDY BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06823 9659

